

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 11 (209)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2025

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Иларионова Т.С.</i> Высшее образование как основа эффективной государственной службы в Германии.....	9
<i>Высоцкий И.В.</i> Развитие института публичных слушаний в системе местного самоуправления.....	15
<i>Лаптев И.А.</i> Роль социальных сетей в политической коммуникации.....	21

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Асланов А.Р.</i> Внутренний социально-политический конфликт в гибридной войне: национальные и межконфессиональные свойства.....	28
<i>Королёва Э.В., Волынчук Я.А.</i> Влияние имиджа супруги политика на формирование образа политического лидера.....	41

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Курбанов Н.И., Квасов М.Д., Калатин Е.Б., Бузанова А.Р.

- Влияние противостояния КНДР и Республики Корея
на внешнюю торговлю между Республикой Корея
с Китайской Народной Республикой в XXI веке.....49

Бай Дунпэн, Сюй Сяобо, Лэй Шуан

- Корректировка арктической стратегии Индии
в условиях новой арктической геополитической архитектуры.....59

Ндур Мухамет Дит Наби

- Государственная управляемость
и институты, представляющие власть
в государствах Западной Африки: культурное измерение.....69

Сюожань Дэн, Вэй Чжао

- Стратегия периферийной коммуникации сообщества
с общим будущим всего человечества в фильме
“Ланканг-Меконг: река, текущая на юг”.....80

- Аннотации.....91**

- Авторы.....102**

- Требования к материалам, представляемым в международное
издательство «Этносоциум».....105**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной

безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and na-

tional security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Московский экономический институт

Иларионова Т.С.

*Доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГСУ
(Институт государственной службы и управления)
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

Высшее образование как основа эффективной государственной службы в Германии

Германия внесла весомый вклад в развитие общественных и государственных представлений об образовании. Благодаря братьям фон Гумбольдт, наука (в лице Александра) и обучение в университете (в лице Вильгельма) стали престижными видами деятельности, притягательными способами занятости, социальными преобразователями и ускорителями прогресса. Гарнизонный город Берлин, со времен Фридриха Великого наполненный солдатами с грубыми нравами и низким уровнем потребностей, превратился в культурную столицу с профессурой, студентами, публичными лекциями, музеями, экспериментами, опытами и практикой изобретательства¹.

Будучи сами на государственной службе у Фридриха Вильгельма III, братья уже тогда, в начале XIX столетия, задали рамку для подготовки чиновников. И в основе новой образовательной системы была идея свободы и равноправия: “греческий для столяров” - так в шутку называли эти проекты современники, потому что процесс получения знаний, по мысли просветителей, вовсе не должен был оставаться сословным делом, в него должны были вовлекаться дети и молодежь разных социальных страт для коренной модернизации общества и создания возможностей достижения успеха способными². К концу XIX века образование чиновников стало даже исследовательским полем - выходили научные труды по этой теме³.

С тех пор гумбольдовская образовательная модель укрепилась по

¹ Korneffel P. Die Humboldts in Berlin. Zwei Brüder erfinden die Gelehrtenrepublik. Berlin: Elsengold Verlag GmbH, 2017.

² Korneffel P. Die Humboldts in Berlin. Zwei Brüder erfinden die Gelehrtenrepublik. Berlin: Elsengold Verlag GmbH, 2017. P. 74-76.

³ Königs G. Zur Ausbildung und Stellung der Beamten in Preußen. – Berlin: Puttkammer und Mühlbrecht, 1875.

всему миру. В Германии сегодня вполне понятна цель функционирования высшей школы - создать необходимый базис для общества. Образование позволяет, ко всему прочему, установить “цену” человеку: одного можно сравнивать с другим по вполне ясному и объективному критерию - по полученному диплому. На этом стоит и система государственной службы: каждый из уровней службы требует своего диплома, и если человек хочет подниматься по карьерной лестнице, то он должен получать новый диплом. Для простой службы требуется успешное завершение реальной школы (среднее образование - по нашей градации), для средней службы - среднее специальное (колледж, профтехучилище), для высокой службы - высшее образование (бакалавриат), для повышенной службы - университетское образование с двумя сданными государственными экзаменами и защищенной диссертацией (магистратура в нашем варианте). Диплом о полученном образовании указывает человеку его место в профессиональной иерархии, от должности, которую он замещает, зависит оклад. То есть вся система побуждает человека стремиться вперед - к хорошему денежному содержанию, что возможно при замещении более высокой должности, что, в свою очередь, обязывает получить новый диплом⁴. Об этом прямо говорит § 17 “Допуск к карьере” Закона федеральной государственной службы (Bundesbeamtengesetz), принятый 5 февраля 2009 года⁵.

Школам и вузам тут отведена важная роль: не только давать знания, но и вести жесточайший отбор на каждом из этапов обучения. Для поступления на программы гуманитарного направления нужно в школе учить древнегреческий и латынь: и на юридические, и на исторические специальности это обязательно. Древние языки уже позволяют отсеять неспособных к обучению. Высокое качество университетского образования обеспечивается, прежде всего, огромной требовательностью к студентам: безжалостно прощаются с нерадивыми.

В последние годы увеличилось количество профессиональных высших школ по государственному управлению в дополнение к Федеральному специализированному вузу государственного управления в Брюле (Fachhochschule des Bundes für Öffentliche Verwaltung Brühl). В Интернете есть специальный сайт о вузах для государственной службы (Verwaltungshochschulen)⁶, но даже беглый просмотр списка представленных там организаций образования убеждает: это либо университе-

4 Иларионова Т.С. Государственная служба ФРГ. – М.: 2008.

5 https://www.gesetze-im-internet.de/bbg_2009/_17.html

6 https://verwaltungshochschulen.de/hochschulen_und_fh_der_oeffentlichen_verwaltung

ты, либо специальные высшие учебные заведения по областям знаний - медицине, например, или музыке, а также специальные вузы, которые не дают университетского образования и готовят кадры для, самое большое, - повышенной службы. Причем, среди этих последних также есть своя концентрация на отдельных областях службы - полиции, финансовых органах, правовых управлениях и т.д. Так, в земле Баден-Вюртемберг есть в составе Филлинген-Швеннингенской профессиональной высшей школы - высшая школа полиции, в составе Шветцингенской профессиональной высшей школы - высшая школа юриспруденции, в составе Людвигсбургской профессиональной высшей школы - высшая школа государственного управления и финансов, в составе Кельской профессиональной высшей школы - факультет права и местного самоуправления. Некоторые из вузов объявляют даже, на какие должности готовятся специалисты. Кельская школа готовит кандидатов на должность старшего государственного инспектора (государственный служащий на испытательном сроке) с ежемесячным окладом приблизительно в 1550 евро⁷.

Упор в занятиях делается на практическую подготовку. Вот как расписан учебный план к Келе: обучение начинается с шестимесячной вводной стажировки в органе государственного управления, которая включает в себя вводный курс, где знакомят с основами учебного плана и задачами стажировок, как минимум, в двух областях. Затем следует 17-месячный основной курс обучения. Это соответствует трем семестрам с каникулами. Каждый модуль базового курса завершается экзаменом. После базового обучения - 14-месячный практический этап. За это время в рамках стажировки студент знакомится с четырьмя направлениями деятельности различных администраций. В каждом отделе или администрации он проведет не менее трех месяцев. Одна из четырех стажировок будет за рубежом, в другой федеральной земле или в частном секторе. В последние три месяца практической фазы студенту предстоит завершить работу над бакалаврской письменной работой, этому будет еще отведен полный месяц. В последнем семестре студент вновь в университете для углубленного изучения таких предметов, как: "Управление эффективностью", "Регуляторное администрирование", "Экологическое и градостроительное право", "Развитие Европейского Союза", "Экономика и финансы", "Местная политика", "Информационные технологии и менеджмент", "Персонал и организация"⁸.

7 <https://www.hs-kehl.de/bpm/>

8 https://www.hs-kehl.de/bpm/#elementor-toc_heading-anchor-1

Что дает такой подход? Во-первых, государственная служба решает проблемы с выполнением задач, требующих участия неквалифицированных служащих, и студенты закрывают таким образом непрестижные и мало оплачиваемые рабочие места. Во-вторых, в процессе такой длительной практики, фактически обучения в процессе выполнения рабочих заданий, идет не только накопление необходимого опыта, но и собственно профориентация. В-третьих, места практики - это потенциальные рабочие места по бессрочному контракту, то есть студенты не будут выпускаться в никуда, а уже точно нацеливаться на тот или иной орган власти, в котором проходили практику, с коллегами которого познакомились и к которым притерлись.

Эта новая модель - полностью вписана в современные представления о дуальном образовании, под которым понимается система, одновременно позволяющая и учиться, и работать.

Но претендовать на высшую службу могут только выпускники университетов. И тут большое количество требований уже при поступлении. Так, на большое количество специальностей (юриспруденция, история, медицина и т.д.) требуется в школе учить и сдать экзамен по латыни и древнегреческому языку.

В ходе учебы студенту приходится многое делать самостоятельно. Во время семестра и даже в каникулы в Берлине очереди на вход в университетские и городские библиотеки. И такая картина во всех университетских городах. В студенческой среде в Германии принято проходить и проходить дополнительные курсы по тем или иным дисциплинам, учить иностранные языки. Студент участвует в гонке под названием “Кто получит дипломов больше”.

Дуальное образование предполагает и в университете освоить какой-то практический навык. Студенты - постоянная вспомогательная рабочая сила на кафедрах. Законодательством установлен фиксированный максимум рабочего времени и заработанных денег для обучающегося в университете, и его охотно “выбирают” те, кто активен на кафедре. В неделю студент имеет право работать не более 19 часов и зарабатывать в месяц не более 450 евро⁹.

В настоящее время основное внимание при подготовке служащих - юридическая подготовка и цифровизация¹⁰.

Высшая школа - не капсула с герметично закрытым пространством.

9 <https://www.studium-ratgeber.de/verdienstgrenze-studium/>

10 Dreas Susanne A., Klenk Tanja. Führung und Arbeitsbedingungen in der digitalisierten öffentlichen Verwaltung. - Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2021.

Каждый университет - участник общегерманского соревнования. Введенная в 2005/2006 году Exzellenzinitiative (Инициатива федерального правительства и правительства земель по развитию науки и исследований в немецких университетах) позволила создать общегерманский рейтинг лучших университетов, которые поощряются из государственных бюджетов средствами на дальнейшее развитие. Это, в свою очередь, способствовало внутриуниверситетским соревнованиям между факультетами, семинарами, кафедрами и отдельными профессорами за право считаться лучшими. Основное в проведении конкурса - оценка участников производится сторонними организациями, в частности Германским научно-исследовательским сообществом (DFG) и Научным советом, действующим в масштабах страны. Оценивалась не вся деятельность, а всего три ключевых направления, которые, как считали, являются показательными для развития университета: аспирантура, кластеры передового опыта и концепции будущего. Причем все три направления были не долгоиграющими (постоянно реализуемыми), а имели конкретные названия и были нацелены на конкретные результаты.

Немцы уделяют огромное внимание обеспечению независимости в оценке деятельности чего бы то ни было. В стране на национальном уровне действуют

1) Научный совет¹¹, работа которого строится на межсекторальном подходе, то есть им принимается во внимание вся немецкая научная система с ее основными структурными особенностями - будь то университеты (как государственные, так и частные), неуниверситетские научно-исследовательские учреждения, университетские медицинские учреждения, исследования в промышленности, исследовательские ассоциации т.д.;

2) Постоянная научная комиссия (SWK)¹², которая является независимым научным консультативным органом Конференции министров образования и культуры; в ее состав входят 16 исследователей в области образования по разным дисциплинам; SWK привлекает внешних экспертов.

В 2023 году Постоянная научная комиссия выпустила объемный труд с рекомендациями по набору и подготовке преподавателей¹³. Они были универсальными - как для средней, так и для высшей школы. Вот основ-

¹¹ https://www.wissenschaftsrat.de/DE/Aufgabenfelder/Wissenschafts_und_Hochschulsystem/wissenschafts_hochschulsystem_node

¹² www.swk-bildung.org

¹³ Lehrkräftegewinnung und Lehrkräftebildung für einen hochwertigen Unterricht Gutachten der Ständigen Wissenschaftlichen Kommission der Kultusministerkonferenz. - Bonn: Geschäftsstelle der SWK, 2023.

ные из этих рекомендаций: постоянно обобщать зарубежный опыт, чтобы видеть, кто впереди, и не отставать, а стремиться вперед; иметь в виду не только постоянные когорты студентов, но и выявлять новые образовательные потребности у групп населения, видеть тех, кто имеет право на обучение, в том числе нетрадиционные целевые группы; вести осо-бо тщательную подготовку учителей для школ, затронутых нехваткой средств; улучшить обучаемость на основе социальной и академической интеграции; увеличить целевое стимулирование при подготовке преподавателей в университетах; создать межэтапные надежные структуры координации и процедуры управления качеством и т.д. Этих принципов придерживаются и вузы, которые готовят кадры для государственного управления ФРГ.

Список литературы

1. Иларионова Т.С. Государственная служба ФРГ. – М.: 2008.
2. Дреас, Сюзанна А., Кленк, Таня. Лидерство и условия труда в цифровом государственном управлении. – Баден-Баден: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2021.
3. Кёнигс, Г. О подготовке и статусе государственных служащих в Пруссии. – Берлин: Puttkammer & Mühlbrecht, 1875.
4. Корнфельд, П. Гумбольдты в Берлине: два брата изобретают республику слов. – Берлин: Elsengold Verlag GmbH, 2017.
5. Подбор и подготовка учителей для высококачественного обучения: Доклад Постоянной научной комиссии Постоянной конференции министров образования и культуры. – Бонн: SWK Office, 2023.
6. www.swk-bildung.org
7. <https://www.studium-ratgeber.de/verdienstgrenze-studium/>
8. https://www.wissenschaftsrat.de/DE/Aufgabenfelder/Wissenschafts_und_Hochschulsystem/wissenschafts_hochschulsystem_node
9. https://www.gesetze-im-internet.de/bbg_2009/_17.html
10. https://verwaltungshochschulen.de/hochschulen_und_fh_der_oeffentlichen_verwaltung
11. <https://www.hs-kehl.de/bpm/>
12. https://www.hs-kehl.de/bpm/#elementor-toc_heading-anchor-1

Bibliography

1. Ilarionova T.S. German civil service. – M.: 2008.
2. Dreas Susanne A., Klenk Tanja. Führung und Arbeitsbedingungen in der digitalisierten öffentlichen Verwaltung. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2021.
3. Königs G. Zur Ausbildung und Stellung der Beamten in Preußen. – Berlin: Puttkammer & Mühlbrecht, 1875.
4. Korneffel P. Die Humboldts in Berlin. Zwei Brüder erfinden die Gelehrtenrepublik. – Berlin: Elsengold Verlag GmbH, 2017.
5. Lehrkräftegewinnung und Lehrkräftebildung für einen hochwertigen Unterricht Gutachten der Ständigen Wissenschaftlichen Kommission der Kultusministerkonferenz. – Bonn: Geschäftsstelle der SWK, 2023.
6. www.swk-bildung.org
7. <https://www.studium-ratgeber.de/verdienstgrenze-studium/>
8. https://www.wissenschaftsrat.de/DE/Aufgabenfelder/Wissenschafts_und_Hochschulsystem/wissenschafts_hochschulsystem_node
9. https://www.gesetze-im-internet.de/bbg_2009/_17.html
10. https://verwaltungshochschulen.de/hochschulen_und_fh_der_oeffentlichen_verwaltung
11. <https://www.hs-kehl.de/bpm/>
12. https://www.hs-kehl.de/bpm/#elementor-toc_heading-anchor-1

Высоцкий И.В.

Кандидат политических наук, доцент
кафедры государственного и муниципального управления.
Негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования
«Московский экономический институт», г. Москва. SPIN-код: 3806-1097

Развитие института публичных слушаний в системе местного самоуправления

На современном этапе социально-политического развития России, в соответствии с п. 1 статьи 2 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации»: «государственная власть и местное самоуправление образуют единую систему публичной власти» [1]. А на основании статьи 12 Конституции России, «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти...» [2]. Вообще говоря, местное самоуправление целесообразно воспринимать, прежде всего, как фактор демократизации общества, как возможность проявления гражданской инициативы, реализуемой, чаще всего, в формате диалога между муниципальным сообществом и органами власти. Поэтому, когда речь заходит о функционировании современной системы местного самоуправления, безусловно, актуализируется практика использования таких конструктивных диалогов. Пожалуй, наиболее существенную роль в диалоговой демократии, в том числе на муниципальном уровне, призваны играть публичные слушания. Именно они предоставляют местным жителям возможность не просто услышать официальную позицию органов власти по тем или проектам решений, но и задать вопросы, а также принять участие в тематических обсуждениях.

Вполне закономерно можно сделать вывод о том, что «публичные слушания представляют собой консультативный институт непосредственной демократии...» [3, С. 23-24]. Именно на завершающем этапе проведения слушаний становится очевиден их консультативный характер [4, С. 71].

Как справедливо отметила Е.С. Шугрина: «публичные слушания относятся к числу рекомендательных форм, т.е. форм участия населения в осуществлении местного самоуправления» [5, С. 32].

Таким образом, под публичными слушаниями на муниципальном

уровне следует понимать установленную нормами права форму участия местных сообществ в реализации публично-властных функций посредством открытого обсуждения с органами местного самоуправления проектов муниципальных нормативно-правовых актов и иных социально важных вопросов, непосредственно касающихся развития соответствующего муниципального образования. Сразу же необходимо обратить внимание на то, что инициировать проведение публичных слушаний вправе как органы местного самоуправления, так и местные жители.

Из п. 1 ст. 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» следует, что «публичные слушания могут проводиться на всей территории муниципального образования для обсуждения с участием жителей муниципального образования проектов муниципальных правовых актов по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» [6]. Для того, чтобы более детально осмыслить понятие «публичные слушания» необходимо сформулировать их ключевые признаки.

Во-первых, наличие публично-правового характера. Именно благодаря ему местное сообщество имеет возможность проводить независимые обсуждения актуальных вопросов.

Во-вторых, обязательное участие в процессе обсуждения двух одинаковых по своему правовому статусу субъектов: местных жителей и управляющего субъекта.

В-третьих, осуществление местным сообществом публично-властных функций. При этом необходимо подчеркнуть, что участники публичных слушаний неправомочны принимать решения вместо компетентных органов власти, то есть, результаты таких слушаний всегда носят рекомендательный характер.

В-четвёртых, общественный характер публичных слушаний. Данный признак исчерпывающим образом отражён в его названии.

Пятый признак публичных слушаний заключается в обязательном наличии свободного общения (свободного обмена мнениями) между всеми участниками процесса.

Итак, институт публичных слушаний на муниципальном уровне – это своего рода инструмент поиска необходимого консенсуса между властью и обществом на территории конкретного муниципального образования, а в некоторых случаях формат таких слушаний может носить и межмуниципальный характер. Однако, рассуждая о развитии данного института, следует сказать о такой значимой проблеме, как недостаточный

интерес со стороны местных жителей к проблематике обозначенных мероприятий. Например, публичные слушания по проекту на последующий отчётный период, традиционно не пользуются вниманием жителей, а слушания по строительству новых дорог или транспортных развязок вызывают живой интерес [7]. Причём, те и другие проекты документов выносятся на публичные слушания в обязательном порядке, а слушания по проекту бюджета муниципального образования вообще проводятся ежегодно. Конечно, природа общественного интереса к тематике публичных слушаний вполне ясна. Жителей в первую очередь волнует то, что даже гипотетически может ухудшить качество их жизни. А такие документы как Устав муниципального образования и его бюджет часто воспринимаются ими как нечто отвлечённое и ориентированное исключительно на узких специалистов.

По мнению В.И. Захарова, институт публичных слушаний учреждён законодателем «в большей степени для того, что придать резонанс тому или иному событию, выстроить конструктивный диалог между властью и населением, приблизить органы местного самоуправления к местному сообществу» [8, С. 96].

Думается, что для популяризации института публичных слушаний необходимо усилить соответствующую работу с муниципальными СМИ и местными активистами [9, С. 138].

Кроме того, следует обратить внимание и на то, что, в настоящее время, никакими правовыми нормами требования к количеству участников публичных слушаний нормативно не установлены (они будут признаны состоявшимися даже при нулевой явке населения), сам факт их низкой посещаемости, конечно же, вызывает тревогу.

Таким образом, хотелось бы сформулировать ряд предложений для должностных лиц органов местного самоуправления и муниципальных депутатов, которые могли бы побудить местных жителей более активно использовать институт публичных слушаний в качестве механизма диалоговой демократии.

Во-первых, органам местного самоуправления, являющимся организаторами публичных слушаний, целесообразно разрабатывать материалы, направленные на повышение значимости соответствующих мероприятий у местного населения. Причём, не следует ограничиваться только лишь текстовым форматом на бумажном и электронном носителях. Важно создавать интересный и информативный контент, главным образом, для официальных аккаунтов органов власти в социальных се-

тях и мессенджерах. В данном контексте нужно уделить внимание созданию коротких видеороликов, призванных повысить престиж института публичных слушаний среди населения.

Во-вторых, было бы полезно популяризировать институт публичных слушаний в личных блогах глав муниципальных образований. В условиях стремительной цифровизации государственного и муниципального управления такие действия представляются крайне необходимыми. Вполне очевидно, что на развитие блогов лидеров общественного мнения сегодня следует обратить особое внимание. Блоги – это именно тот цифровой ресурс, развитие которого следует держать на особом контроле. Сегодня в цифровой среде развивает активность большое число блогеров, разных и по своим мировоззренческим установкам, и по имеющемуся у них образованию. Поэтому первым лицам, в данном случае, главам муниципальных образований, чрезвычайно важно бороться за расширение собственной интернет-аудитории. Следует помнить, что «развитие эффективного диалога между органами власти, в особенности, органами местного самоуправления с местным сообществом в цифровой среде призвано поднять уровень доверия населения к современным властным институтам, повысить авторитет власти у жителей» [10, С. 203].

В-третьих, на этапе подготовки публичных слушаний важно приглашать в организационные комитеты или рабочие группы (в соответствующих муниципальных нормативно-правовых актах закреплены разные наименования) представителей населения, например, руководителей общественных организаций, лидеров территориального общественного самоуправления и т.д.

В-четвёртых, в документах, регламентирующих организацию и проведение публичных слушаний, целесообразно зафиксировать преимущественное право на выступления в упомянутых мероприятиях за местными жителями, являющимися руководителями действующих на территории соответствующего муниципального образования социально ориентированных общественных организаций (Совет ветеранов, Общество инвалидов, Совет предпринимателей и т.д.), а также за председателями органов территориального общественного самоуправления.

В-пятых, органам местного самоуправления необходимо наладить систематическую работу по противодействию правовому нигилизму среди населения. Имеется ввиду, что достаточно весомый процент местных жителей не имеет структурированных знаний о системе государственного и

муниципального управления, а это – корень большого количества проблем, затрудняющих развитие конструктивного диалога муниципальных сообществ с органами власти, что, конечно же, замедляет развитие публичных слушаний как действенного механизма участия населения в осуществлении местного самоуправления.

В-шестых, Советам (Ассоциациям) муниципальных образований субъектов Российской Федерации было бы полезно, на основании соответствующего документа, утвердить рекомендацию относительно времени, с которого должны начинаться публичные слушания. Представляется целесообразным, зафиксировать норму, в соответствии с которой, органы местного самоуправления будут вправе открывать обозначенные мероприятия не ранее 18:00 по рабочим дням. Именно неудобное время, в которое проводятся публичные слушания, чаще всего, критикуется жителями. Если на повестке дня - социально значимый вопрос, то, с высокой степенью вероятности, часть активных местных жителей будет высказывать недовольство организаторам публичных слушаний. И нужно признать, что такое недовольство, будет во многом обоснованным. Имеет смысл сразу вывести эту предсказуемую ситуацию за скобки.

В-седьмых, исполнительно-распорядительным органам местного самоуправления, совместно с муниципальными депутатами, было бы полезно усилить работу по систематическому взаимодействию с образовательными организациями, функционирующими на подведомственной территории. Речь идёт о том, чтобы принимать участие в гражданской и политической социализации молодого поколения через реализацию тематических мероприятий, например, таких, как: «День местного самоуправления», «День молодого избирателя», «День муниципального образования» и т.д. Важно, чтобы лично главы и их профильные заместители проводили тематические встречи с молодёжью. Эти встречи должны способствовать формированию гражданского участия у будущего поколения.

В заключении хочется сказать о том, что институт публичных слушаний является весьма значимой формой обратной связи между органами местного самоуправления и населением. По своей сути, он является институтом непосредственной демократии, дальнейшее развитие которого должно быть приоритетом муниципальной политики.

Список литературы

1. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020 N 394-ФЗ.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одо-

- бранными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Васюткин Н.Е. Правовое регулирование проведения публичных слушаний в муниципальных образованиях (на примере города Улан-Удэ) / Н.Е. Васюткин, В. Б.-Ц. Цыбиков // Вестник Бурятского государственного университета. – Юриспруденция. 2023. Вып. 4. С. 23-29.
 4. Елистратова О.В. Публичные слушания как консультативная форма демократии / О.В. Елистратова, О.Р. Ганина, Ш.Г. Сейдов // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2 (74). С. 69-78.
 5. Шугрина Е.С. Публичные слушания и общественные обсуждения как инструмент выявления мнения населения по вопросам городского развития // Градостроительное право. 2019. № 4. С. 30-34.
 6. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».
 7. Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025), ст. 5.1.
 8. Захаров И.В. К вопросу о существе публичных слушаний и общественных обсуждений // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 2 (27). С. 91-98.
 9. Акулова Н.А. Публичные слушания в российской федерации: проблемы теории и практики // Инновационная наука. 2021. № 5. С. 137-139.
 10. Высоцкий И.В. Развитие цифрового диалога между органами местного самоуправления и жителями в современных условиях // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях [Электронный ресурс]: сборник материалов III Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В.И. Семеновой; под науч. ред. Л.Н. Горбуновой. – Москва: НОЧУ ВО «МЭИ». 2020. С. 199-204.
 11. Махмутова К.А. Межконфессиональное согласие в молодежной среде // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 127-131.
 12. Березовская А.А., Сабурова Н.А. Митигация в речи адвоката как средство воздействия (на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 12-19.

Bibliography

1. Federal Law “On the State Council of the Russian Federation” dated 08.12.2020 N 394-FZ.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
3. Vasyutkin N.E. Legal regulation of public hearings in municipalities (using the city of Ulan-Ude as an example) / N.E. Vasyutkin, V.B.-Ts. Tsybikov // Bulletin of the Buryat State University. – Jurisprudence. 2023. Issue 4. P. 23-29.
4. Elistratova O.V. Public hearings as a consultative form of democracy / O.V. Elistratova, O.R. Ganina, Sh.G. Seidov // News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences. 2025. № 2 (74). P. 69-78.
5. Shugrina E.S. Public Hearings and Public Discussions as a Tool for Identifying Public Opinions on Urban Development Issues // Urban Planning Law. 2019. № 4. P. 30-34.
6. Federal Law of March 20, 2025 N 33-FZ “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority”.
7. Urban Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 N 190-FZ (as amended on July 31, 2025), Art. 5.1.
8. Zakharov I.V. On the Essence of Public Hearings and Public Discussions // Municipality: Economy and Management. 2019. № 2 (27). P. 91-98.
9. Akulova N.A. Public hearings in the Russian Federation: problems of theory and practice // Innovative science. 2021. № 5. P. 137-139.
10. Vysotsky I.V. Development of digital dialogue between local governments and residents in modern conditions // Actual problems of economic and management development in modern conditions [Electronic resource]: collection of materials from the III International scientific and practical conference / under the general editorship of V.I. Semenova; under the scientific editorship of L.N. Gorbunova. – Moscow: NOCHU VO “MPEI”. 2020. P. 199-204.
11. Makhmutova K.A. Inter-confessional agreement among youth // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 127-131.
12. Berezovskaya A.A., Saburova N.A. Mitigation in a lawyer’s speech as a means of action (based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich Plevako) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 12-19.

Лаптев И.А.

*Аспирант. Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
Кафедра государственного управления и менеджмента, г. Волгоград.*

Роль социальных сетей в политической коммуникации

Политическая коммуникация является неотъемлемой частью государственного управления. Политическая коммуникация представляет собой процесс создания информации и обмена ею между участниками политической системы с целью трансляции политических смыслов и достижения определённого политического эффекта. В условиях глобализации и цифровизации каналы политической коммуникации трансформируются и приобретают новые черты. Использование современных каналов коммуникации является неотъемлемой частью политической коммуникации в современном мире. Одним из важных каналов политической коммуникации сегодня становятся социальные сети. На сегодняшний день социальные сети являются самой высоко охватываемой платформой (на 2025 год охватывают 68,7% населения). В связи с этим оказывается важным проанализировать роль социальных сетей в политической коммуникации.

С теоретической стороны можно встретить большое количество исследований в области политической коммуникации и сетевого подхода к изучению этого процесса. Одной из наиболее известных является концепция сетевого общества М. Кастельса, согласно которой в условиях информатизации и развития информационного общества коммуникация приобретает новые сетевые качества, в том числе, и политическая коммуникация [5, с. 67]:

- интерактивность: использование цифровых технологий, позволяющие обеспечить многонаправленность обмена информацией;
- гибкость управления: возможность синтеза методов стратегического управления и технологий взаимодействия для достижения поставленных целей и задач;
- ориентация на получателя: соотношение между массовой коммуни-

кацией и коммуникацией, которая направлена на конкретного получателя (или группу получателей), через использование коммуникационной сети, отвечающей запросам и предпочтениям получателя;

- программирование и коммутация: для обеспечения коммуникационного воздействия необходима возможность программирования сетей относительно их протоколов и обеспечения коммуникации, а также подключение и обеспечение сотрудничества между отдельными сетями с целью объединения ресурсов и, в то же время, с возможностью их изолирования посредством разграничения коммуникации;

- сетевая власть: возможность обеспечения власти над любыми компонентами сети.

Ещё одним теоретическим подходом является сетевая теория политики, представителями которой являются Э. Клиян и Дж. Копенъян. Согласно сетевой теории политики составляющими политической коммуникации являются политические сети, сетевые компоненты политического процесса и сетевое управление [6, с. 260]. С помощью комбинации этих показателей является возможным более конкретное формирование объяснительных механизмов публичной политики. В сетевой теории политическая коммуникация рассматривается как сетевое взаимодействие неформальных и формальных политических акторов для достижения воздействия на властно-управленческий процесс посредством диалога с гражданским обществом. Государство и его институты, а также общественность выступают как акторы политических решений, а политические сети выступают как механизм активизации политических ресурсов [7, с. 37].

Согласно теории политических сетей Р. Родеса и Д. Марша особое внимание при изучении политической коммуникации уделяется механизмам включения социальных сетей в процесс принятия политических решений. Рост усложнения общества, в том числе, за счёт цифровизации и глобализации выступает в качестве необходимой предпосылки построения управления [2, с. 59].

В целом, следует отметить, что социальные сети являются важной составляющей политической коммуникации в современном обществе. Социальные сети начали активное распространение с 2006 года с появлением таких социальных сетей, как Одноклассники и Вконтакте (последняя из которых сегодня до сих пор является самой популярной социальной платформой). Если традиционные форматы политической коммуникации представляют собой личные встречи политиков с граж-

данами, телевизионные обращения, то в условиях цифровизации социальные сети выступают как один из наиболее эффективных каналов политической коммуникации.

С помощью политической коммуникации через социальные сети оказывается возможным охватить наиболее труднодоступную часть населения – молодежь, которая является активными пользователями социальных сетей. В современных условиях у старшего поколения уже сложился набор информационных каналов, которыми они привыкли пользоваться и добавление новых информационных и коммуникационных каналов в этот набор происходит в ограниченном формате. В то же время, для молодого поколения свойственна более гибкая адаптация к появлению и использованию новых информационных и коммуникационных каналов, которые сегодня выражены в формате социальных сетей и мессенджеров. Социальные сети как один из новых форматов, активно распространяющийся за последние 20-25 лет, получил активное распространение в среде миллениалов (которые взрослели в этот период), а также поколений зуммеров и альфа (которые были рождены в этот период и не знали период до появления социальных сетей). Для этих поколений – (сейчас людей до 35-40 лет), основным коммуникационным каналом как раз и выступают социальные сети [1, с. 92].

Для политических институтов использование социальных сетей сегодня становится неотъемлемой частью проводимых политических кампаний, поскольку именно через этот канал оказывается возможным коммуницировать с молодыми людьми и оказывать политическое воздействие на молодое поколение до 30 лет, которое находится в периоде политического становления и адаптации. Зачастую отношение молодых людей к политике характеризуется противоборствующими настроениями, связанными с максимализмом, присущим молодежной среде. Именно поэтому активная и открытая коммуникация через удобные и привычные каналы коммуникации является важным направлением политической коммуникации.

Достоинством применения социальных сетей в политической коммуникации является возможность двухстороннего диалога, в отличие от традиционных каналов коммуникации (ТВ, радио и т.д.). Социальные сети предоставляют возможность выражать ответную реакцию населения на политическую коммуникацию со стороны властей. Это делает социальные сети наиболее эффективным диалогом для ведения политического диалога между властью и населением. Благодаря социальным се-

там оказывается возможным не только проводить мероприятия в рамках осуществления политической коммуникации, но также и снимать срез общественного настроения и реакций на эти мероприятия посредством анализа комментариев и ответов на размещаемые материалы в рамках политической коммуникации в социальных сетях. В то же время достоинством использования социальных сетей в политической коммуникации является возможность проведения аprobации политических решений и проведения политических мероприятий за счёт проведения опросов в социальных сетях по реакции на предлагаемые решения, а также сбора оценок населения на эти мероприятия и решения.

С другой стороны, существенным недостатком использования социальных сетей в политической коммуникации, является влияние на имидж органов власти и политических деятелей из-за негативного освещения в социальных сетях. Так, некоторые пользователи заведомо негативно реагируют на посты и размещаемые материалы в рамках политической коммуникации, чтобы искусственно вызвать негативную реакцию и её поддержание у других пользователей. Это способствует снижению не только имиджа органов власти, но и может снижать эффективность политической коммуникации [3, с. 265].

Здесь же нельзя не отметить и потенциальные риски использования социальных сетей в политической коммуникации. С этой точки зрения нужно отметить и то, что негативные реакции на политическую коммуникацию в социальных сетях (иногда и искусственно формируемые) влияют на формирование восприятия политической коммуникации реальными пользователями.

В то же время, достаточно серьезной проблемой при политической коммуникации в социальных сетях является зачастую непонимание пользователями публикуемыми решениями или мероприятиями [4, с. 57]. Сложные политические тексты могут противоречиво восприниматься населением, поскольку зачастую население далеко от политических решений, всего процесса, связанного с этим принятием и им тяжело воспринимать и понимать важность этих решений. Многие решения воспринимаются как непонятные, либо тяжело воспринимаемые, в том числе, за счёт сложного описания. Это влияет на то, что любая публикуемая новость в социальных сетях приводит к противоречивому восприятию, связанному с тем, что население не всегда видит целесообразность принимаемых решений, а также их корректность, поскольку не до конца понимают всех процессов, стоящих за этими решениями. В то же время,

публикуемые новостные информационные материалы о проделанных мероприятиях или принятых решениях зачастую касаются отдельных местностей или регионов, что может также вызывать противоречивые оценки у населения, местность или регионы которых имеют нерешенные проблемы относительно новостной повестки. Это всё также оказывает влияние на полярность восприятия политических информационных материалов в социальных сетях.

Подводя итог, стоит отметить, что социальные сети сегодня играют важную роль в политической коммуникации, поскольку посредством этого канала коммуникации сегодня оказывается возможным охватить молодых людей до 35-40 лет, являющихся активными пользователями социальных сетей. С помощью социальных сетей оказывается возможным организовывать двухстороннюю политическую коммуникацию между властью и населением, получать реальную реакцию на политическую коммуникацию в виде отзывов и реакций в социальных сетях, обсуждения в группах. Однако, социальные сети и осуществление в них политической коммуникации также может сопровождаться и искажением реальной ситуации относительно искусственного создания реакции для влияния на восприятия реальными пользователями социальных сетей. Здесь необходимо внимательно отслеживать данные моменты, чтобы не допустить распространения негативного окраса политической коммуникации в социальных сетях.

Список литературы

1. Фролова Н.А. Социальные сети как инструмент политического взаимодействия на современном этапе развития общества: особенности интернет-коммуникации // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк, 2024. С. 91-93.
2. Васильева Д.А. Особенности восприятия контента политических субъектов как фактор мотивации к участию в политической коммуникации в социальных сетях // Ассамблея молодых политологов. Кризисы и конфликты: политические вызовы реальности и современные вызовы политологии: материалы всероссийской научной конференции. – Пермь, 2024. С. 58-60.
3. Жукова А.А. Теоретико-методологические аспекты изучения политической интернет-коммуникации и сетевого дискурса // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск, 2024. С. 264-270.
4. Аюпова Ю.А. Политическая реклама как комплексный институт политической коммуникации // Россия в полиполитическом мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. – Москва, 2024. С. 55-56.
5. Ткачева Ю.Г. Политический дискурс как средство межкультурной коммуникации: переводческий аспект / Ю.Г. Ткачева, Ю.О. Андреева // Образование. Культура. Общество / сборник статей LXXI Международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2023. С. 66-70.
6. Еникеева Е.М. Особенности конфликтной коммуникации в политической сфере в условиях цифровизации // Медиа в современном мире. 63-и Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума. – Санкт-Петербург, 2024. С. 260-261.
7. Фурман Т.Г. Политический статус массовой коммуникации // Новая история: проблемы, возможности и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. – Саратов, 2025. С. 37-40.

8. Ворожцова А.А. «Маленькая Венеция» на берегах Ориноко: к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла» // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 97-102.
9. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78-86.
10. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

Bibliography

1. Frolova N.A. Social networks as a tool for political interaction at the current stage of social development: features of online communication // Humanitarian studies in the context of modern socio-cultural transformation: materials of the XIII All-Russian scientific and practical conference. – Lipetsk, 2024. P. 91-93.
2. Vasilyeva D.A. Features of perception of the content of political subjects as a factor of motivation to participate in political communication on social networks // Assembly of young political scientists. Crises and conflicts: political challenges of reality and modern challenges of political science: materials of the All-Russian scientific conference. – Perm, 2024. P. 58-60.
3. Zhukova A.A. Theoretical and methodological aspects of the study of political online communication and online discourse // Challenges of the modern world in the framework of social and humanitarian knowledge. In search of an alternative: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. – Izhevsk, 2024. P. 264-270.
4. Ayupova Yu. A. Political Advertising as a Complex Institute of Political Communication // Russia in the Polycentric World Order: Challenges and New Development Paradigms: Proceedings of the 10th All-Russian Congress of Political Scientists of the Russian Academy of Political Sciences with International Participation. – Moscow, 2024. P. 55-56.
5. Tkacheva Yu. G. Political Discourse as a Means of Intercultural Communication: The Translation Aspect / Yu. G. Tkacheva, Yu. O. Andreeva // Education. Culture. Society / Collection of Articles from the LXXI International Scientific Conference. – St. Petersburg, 2023. P. 66-70.
6. Enikeeva E. M. Features of Conflict Communication in the Political Sphere in the Context of Digitalization // Media in the Modern World. 63rd St. Petersburg Readings: Collection of Materials from the International Scientific Forum. – Saint Petersburg, 2024. P. 260-261.
7. Furman T.G. Political status of mass communication // New history: problems, possibilities and prospects: materials of the international scientific and practical conference. – Saratov, 2025. P. 37-40.
8. Vorozhtsova A.A. ‘Little Venice’ on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym ‘Venezuela’ // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 97-102.
9. Ananichenko P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78-86.
10. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

P

ЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Московский государственный институт
международных отношений*

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Асланов А.Р.

Капитан полиции. Старший оперуполномоченный по ОВД (Отдел внутренних дел) УНК (управление по контролю за оборотом наркотиков). Управление МВД России по г. Севастополь, г. Севастополь.

Внутренний социально-политический конфликт в гибридной войне: национальные и межконфессиональные свойства

Введение

Трансформация политico-правовой реальности на государственном и межгосударственном уровне в исторических условиях изменения принципов современного мироустройства и миропорядка зачастую приводит к внешней и внутренней политической конфронтации, влекущей за собой дисфункционирование общественных и государственных институтов, стагнации экономических процессов. В условиях ведения гибридной войны – противостояния с применением конвенциональных и неконвенциональных технологий – искусственное создание угрозы или возникновения конфликтов является одной из главных целей использование информационно-психологических методов воздействия на общество и его отдельные группы, так как социальный антагонизм может являться предпосылкой не только массовых беспорядков, но и управляемых внешними и внутренними акторами оппозиционных движений против действующей власти, создания революционной ситуации. Деструктивность социальных конфликтов проявляется в угрозах основам конституционного строя, установленному правовому порядку, общественной безопасности, утрате государственного управления во всех сферах жизнедеятельности.

Для нашей страны социально-политические конфликты на межнациональной и межконфессиональной основе проходят «красной нитью» через различные исторические эпохи» [1, с. 38]. Они вовлекают в борьбу за власть, в вооруженное и невооруженное противостояние представителей различных социальных групп. Так, одни из таких конфронтаций, имеющих антигосударственный контекст и направлены на дестабилизацию политической ситуации в Российской Империи, отмечены с начала революции 1905 года в Закавказском регионе между представите-

лями армянской и азербайджанской национальности. В ходе нее погибли 269 человек, 220 было ранено. Столкновения отличались особой жестокостью [2, 3, 4]. В этот же год между русскими и евреями в Одессе и Киеве происходят аналогичные конфликты, унесшие из жизни более 500 человек [5]. В период первой русской революции социальная и политическая конфронтация на этно-религиозной почве имела место в 36 губерниях империи [6, с. 323-324].

В период завершения холодной войны (в современном политологическом измерении – гибридного противостояния) между СССР и коллективным Западом начиная с 1985 по 1991 год на территории нашей страны были активированы политические процессы, повлекшие за собой межнациональные и межконфессиональные конфликты практически во всех республиках союза, с переходом в локальные гражданские войны, проявлениями геноцида по этническому признаку. Только в Нагорном Карабахе в 1989 году погибло свыше 15 тыс. человек [7].

Вышеупомянутые конфликты протекали в условиях переломных исторических событий, что выделяет их взаимосвязь с военными и политическими процессами внутреннего и внешнего уровней. Возможность создания и управление в России в период гибридной войны межнациональной и межконфессиональной конфронтации обусловлено полиэтническим и религиозном содержанием ее социальной организации.

Целью написания статьи является рассмотрение сущности социально-политических конфликтов, деструктивно влияющих на государственность, выделение условий их возникновения, оценка параметров протекания.

В текущей исторической реальности данная проблематика представляется весьма актуальной, так как в сегодняшнем гибридном противостоянии России и коллективного Запада, иностранными спецслужбами применяются социально-политические технологии использования этно-религиозных отличий в разжигании межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

В исследовании применялся системный теоретический подход, базирующийся на законах формальной логики, диалектике политических процессов, в рамках которого использован комплекс общенаучных и специальных методов познания.

Основная часть

Научное рассмотрение и оценка политического конфликта протекают

в русле трех априорных теоретических концепциях. Первая включает в себя детерминирующую роль конфронтации и противоборства в социальном развитии, принципы их неизбежности и неустранимости [8, 9]. Вторая базируется на неприятии противостояния, разрешаемого с помощью физического и психического насилия [10, 11]. Третья концепция рассматривает конфликт как часть общественной коммуникации в совокупности с положительным взаимодействием индивидов и социальных групп [12, 13].

В отечественной науке под социальным конфликтом понимается «столкновение противоположных интересов, целей, взглядов, идеологий между индивидами, соц. группами, классами» [14, с. 141]. Данный вид общественной конфронтации классифицируется по разным основаниям (длительность, характер развития и протекания, объем, форма и т.д.). Политический конфликт касается особой сферы жизнедеятельности общества, сущность которого будет рассмотрена в данной статье с учетом пространственных характеристик [15, с. 130], используемых средств, методов управления и урегулирования.

В российской политологии изучение данного феномена связывается с одной стороны – проявлением политического конфликта в радикальных оппозиционных действиях, революционных событиях и вооруженном противостоянии независимо от его объема. С другой стороны, с существенным содержанием социальных противоречий, сложившихся в результате борьбы за государственную власть, и разрешение которых обязательно связано с военным противостоянием. Речь идет о способах политического взаимодействия, при которых «преобладает тенденция противоборства, вражды, разрушения достигнутого единства, согласия и сотрудничества» [16, с. 98], борьбе за «определенный статус, власть и ресурсы» [17, с. 65], обусловленной мировоззренческими, идеологическими, ценностными, культурными, стратификационными противоречиями, этническими и религиозными различиями [18, с. 19].

Мы видим, что основной характеристикой политического конфликта как совокупности действий различных по статусному уровню социальных групп и отдельных индивидов является борьба за власть. Необходимо учитывать, что реализация власти по своей сути – суверенное управление общественными процессами, субъектом которого могут являться не только политические акторы, но и представители иных элит. Данный процесс осуществляется взаимосвязанными и неразделимыми структурным (с помощью механизма государства) и бесструктурным способами.

Это не имеющая территориальных границ система взаимоотношений внутри элитарных слоев общества. Ее основу составляют устоявшиеся в течение длительного времени (в некоторых случаях не одного десятка поколений людей) служебные, дружественные, родственные связи, дающие возможность отдельным лицам или группам влиять на ход культурных, политических, экономических процессов, воздействовать на нормотворческую деятельность и принятие управленческого решения в свою пользу [19, с. 7, с. 28, с. 74, с. 97, с. 99, с. 140, с. 198].

Таким образом, в политологическом измерении природы конфронтации за контроль власти и организации государственного управления следует вести речь о социально-политическом конфликте, так как последний охватывает абсолютно все слои общества и имеет разновекторные цели, обусловленные интересами внутренних и внешних управленческих элит.

Следует выделить три обобщенных признака рассматриваемого явления:

1. Наличие социально-политических противоречий. Их возникновение и обострение обладают в порядке упоминания объективными и субъективными свойствами. В зависимости от уровня конфликта такие противоречия имеют пространственные и индивидуальные по отношению к различным слоям общества параметры. Гибридная война является элементом глобальной, внешней и внутренней политики, в ходе которой обострение противоречий, возникновение и переход в горячую фазу внутреннего противостояния связывается с применение информационных манипулятивных технологий [20, с. 116] в отношении конкретных групп населения.

2. Конфронтация на разных стадиях имеет две или более коллективных стороны. К ним по мимо действующих политических элит следует отнести негосударственных акторов управления социальной организацией, добивающихся «влияния в системе политических отношений» [21, с. 443], преследующих достижение вполне конкретных экономических и иных целей.

3. Причины конфликта – борьба за власть и возможность осуществления управления общественными процессами в полном объеме; влияние на принятие властных решений государственными органами [22, с. 19]; получение контроля над функционированием элементов социальной организации.

В формате гибридной войны социально-политический конфликт представляет собой противоборство с применением конвенциональных

и неконвенциональных технологий для достижения целей установления выгодного акторам агрессии политического режима, разрушения государственности, контроля над всей системой общественных и экономических отношений. Несмотря на объективность причин возникновения и среды протекания конфронтация представляет структурно и бесструктурно управляемый процесс государственной трансформации, детерминируемый общественными, политическими и экономическими негативными факторами. Он рефлексируется в сознании человека, выступая искусственно созданной объективной формой разрешения противоречий. В нем проявляются общенациональные проблемы, разрешение которых невозможно без участия органов власти. С точки зрения В.П. Пугачева «политические конфликты являются показателем глубины и зрелости социальных конфликтов» [23, с. 535].

В неконвенциональном формате гибридной войны разрешение конфликта на выгодных для себя условиях является обобщенным средством достижения поставленных в гибридном противостоянии целей, что возможно только при полном контроле над управлением политической системой, общественными и экономическими отношениями при необходимости поддержке элит и части населения.

Социально-политические конфликты в той или иной степени имеют национальную и конфессиональную окраску. Использование манипулятивных технологий влияния на сознание представителей этнических групп проводится для формирования радикальных поведенческих стереотипов во взаимоотношениях между людьми, онтологических установок неприятия действующей власти, правовой системы, которые в последствии становятся идеологическим фундаментом обоснования причин и сути противостояния, мотиватором оппозиционной, экстремистской и иной противоправной деятельности.

Выделяют две группы причин межнационального и межконфессионального конфликта:

1. Объективные, в которые входят столкновения социальных интересов, детерминируемых политико-правовым неравенством этнических групп; экономические интересы – материальная неустроенность, низкий уровень жизни, безработица и т.д.

2. Субъективные, включающие принадлежность к религиозной конфессии, идеологические и мировоззренческие установки, т.е. духовно-культурные и сознательные параметры человека, выражющие сущность возникающего противоречия в конфликте, и являющееся мо-

тиватором инициации активных антигосударственных и противоправных действий.

В гибридной войне создание условий возникновения социально-политического конфликта путем информационно-психологического воздействия на сознание человека, учитывает следующие факторы:

а) полиэтнические характеристики территории страны, в которые входят обособленное или компактное проживание национальных групп, мигрантов, наличие принадлежащих им культурных и религиозных центров, диаспор;

б) история уже имевших место межнациональных и межконфессиональных конфликтов, состояние текущих взаимоотношений;

в) качество государственного контроля на федеральном, региональном и локальном уровнях за состоянием межэтнических отношений;

г) эффективность силовых структур в противодействии радикальной оппозиционной, экстремистской деятельности.

Наглядным примером является деятельность экстремистских организаций на территории России в период с 1991 года по настоящее время. Создание последними идеологического и мировоззренческого неприятия единого культурно-исторического кода многонационального народа, теоретического обоснования необходимости социальной конфронтации осуществлялось при содействии и «под прикрытием официально зарегистрированных религиозных объединений» [24, с. 14] и этнических диаспор.

Атеистические традиции восприятия социальной реальности в российском обществе предопределили недооценку органами власти роли религиозных взглядов в формировании радикальной антигосударственной идеологии и ее использования в качестве информационного оружия. Осуществление пропагандистской деятельности в данном ключе основывается на низком уровне духовно-религиозной культуры общества и идеологическом либерализме.

Организация, провоцирование и управление социально-политическими конфликтами на почве этнических и религиозных различий является эффективным инструментарием неконвенциональных способов ведения боевых действий, что в достаточной степени теоретически обоснованно в западной военной и политической науке.

Так, профессор Вашингтонского университета Д.К. Уэллман в своих работах говорит об отсутствии границ между теологическим мировоззрением и политическим сознанием. Качество управления общественны-

ми процессами, используемые методы и средства имеют идеологическую составляющую, в которой «символические и социальные границы всегда связаны» [25]. Его коллега из Колумбийского университета М. Лилл акцентирует внимание, что при рефлексии государственных процессов политическое мышление современного человека опирается на сакральные доминанты [26]. Швейцарский политолог М. Риезерброд пришел к выводу: независимо от принадлежности к конфессии корни обоснования радикальных политических движений берут начало в религиозных учениях, формирующих личностные установки восприятия и оценки окружающей действительности [27]. Нельзя не согласиться с израильским профессором Д. Фокс, указывающим на активное участие в политических процессах и конфронтациях религиозных институтов независимо от вероисповедания [28]. Ф. Хоффман, с чьим именем связывается появление понятия «гибридная война», отмечает важность религиозно-идеологических аспектов организации управления в условиях конфликтов любого формата. С его точки зрения разработка военных доктрин требует исключение секулярного подхода [29].

Описанная парадигма соотношения религиозной идеологии и политического мышления в западной науке определяет содержание социально-политического конфликта в качестве обусловленного мировоззренческими константами столкновение интересов управляемых элит, в той или иной степени связанного с попыткой контроля над ресурсами и претензией на власть [30, с. 52-62, с. 138-147].

Р.В. Арзуманян в своих работах, посвящённых проблематике иррегулярных войн использует понятие политическая теология. Он раскрывает суть сакральной основы восприятия хода общественных, политических процессов, анализирует ход гибридного противостояния, ведение боевых действий с учетом роли религиозности сознания участников конфронтации [31, с. 153-167].

Таким образом, вариативность методов информационно-психологического воздействия на сознание человека включает в себя использование отличительных особенностей культуры, традиций, обычаяев, религии (этно-религиозные различия), которые не только являются катализаторами социальных конфликтов, дестабилизирующих социально-политическую ситуацию, но и применяются в качестве идеологического обоснования достижения интересов государственных и негосударственных субъектов политики. Сакральные и национальные компоненты целостного мировоззрения пронизывают конфронтации любого вида.

Российская политическая наука в качестве определения описываемого явления использует понятие этнополитический (этнонациональный) конфликт – «организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и гражданские войны, в которых противостояние осуществляется на этнической почве» [32, с. 77].

С нашей точки зрения данная трактовка исключает целостность восприятия протекающих в ходе социально-политического конфликта взаимосвязанных и взаимообусловленных государственных процессов управления системой общественных отношений в условиях гибридной войны, так как в нем отсутствуют духовно-культурные, мировоззренческие факторы причинности конфронтации, мотивации действий организаторов и участников.

В отечественной социологии и политологии религиозный и межконфессиональный конфликты понимаются как синонимичные категории, что с научной точки зрения нерелевантно.

Религия – система взглядов на окружающий мир, место человека в обществе, формирующих в его сознании стереотипы социально полезного и правомерного поведения на принципах добра, гуманности и справедливости. Религиозность – экзистенциональная основа социальной организации [33, с. 300], включающий в себя систему верований, организационных форм, норм и стандартов взаимодействия [34, с. 350]. А конфессия – вероучение как результат толкования религиозных текстов, характеризующееся убежденностью ее адептов в исключительности, правильности догматов и самостоятельностью организационных структур. Основанием явления конфессионализма является «этническое и культурное многообразие народов» [35, с. 132].

С точки зрения В.Р. Рязановой использование дефиниции «религиозный» при характеристике современных социально-политических конфликтов следует считать недопустимым. Религия является базисным ментальным параметром, указывающим на особенности, сформированной в процессе исторического развития культуры конкретного общества. Религиозные противоречия – форма «внешней легитимации действий, связанных с другими сферами общественной жизни» [36, с. 26, с. 30-31]. Следовательно, в политологическом измерении гибридной войны следует вести речь о межконфессиональном конфликте.

Рассматривая причинность социально-политической конфронтации следует выделить элементы, генерирующие ее возникновение:

а) доктринальность и догматизм сакральности социальной органи-

зации, самобытность культовых практик при несочетаемости духовных ценностных ориентиров;

б) несовместимость национально-традиционного образа жизни и существующих социальных стереотипов поведения, атеистический фактор.

Первые образуют базисную систему установок восприятия принципов действующих общественных отношений и параметров стереотипов поведения в них, трактовка которых в радикальных религиозных идеологиях вторую группу элементов относит к конфессиональным различиям, выступающими причинами противоречий, конфликтов и мотивационной составляющей экстремистской, террористической деятельности, участии в незаконных вооруженных формированиях.

Значение этно-религиозных различий для обоснования конфронтации в гибридной войне определяется и используется организаторами, подстрекателями и участниками самостоятельно. Причем первые реализуют задачи, связанные с достижением как правила политических и экономических целей. Остальные, считая свое поведение духовно обоснованным и правомерным, действуют в интересах бенефициара.

Создание условий возникновения социально-политического конфликта межнационального и межконфессионального характера на территории противника является результатом имплицитного длительного информационно-психологического воздействия на общество и отдельные группы индивидов. При переходе к открытой форме борьбы, системность применения манипулятивных технологий на сознание активизируется, действуются оппозиционные и экстремистские силы, после чего параметры самого конфликта воспринимаются населением объективными факторами дестабилизации социально-политической ситуации. К ним следует отнести: а) быстрота начала, развития и реактивность протекания; б) зависимость от инерционности и положительной корреляции кризисов в экономике, правовой сфере и политической системе; в) эскалация стратификационных противоречий; г) применение физического и психического насилия.

Имплицитные атаки на сознание населения осуществляются через систему образования и деятельность духовно-культурных институтов. С их помощью в полиэтническом обществе культивируются идеи национализма, создаются ментальные константы этнических и религиозных противоречий, используемые для разжигания конфликтов. К ним относятся: национально-конфессиональная нетерпимость; социально-правовая несправедливость по отношению к этническому меньшинству.

Они являются основой возникновения недовольства действующим государственным режимом, политической и правовой системами, напряженности общественных взаимоотношений, создания психологических установок на участие в радикальной оппозиционной, экстремистской и террористической деятельности. В самих этнических группах формируется низкая статусная самооценка неприятие самобытности, традиций и обычаев представителей других национальностей.

Объективизация причин организаторами социально-политического конфликта на межконфессиональной и межнациональной почве в условиях гибридной войны и переход к непосредственным насильственным или иным антигосударственным действиям проходит ряд стадий [37, 38, 39]:

1) латентная – имплицитное использование информационных манипулятивных социально-психологических технологий в отношении населения и представителей отдельных этно-религиозных групп с целью перевода межнациональных взаимоотношений в плоскость социальных противоречий;

2) актуализация характеризуется формированием заинтересованности в радикальной оппозиционной деятельности и криминального поведения, подготовка конкретных экстремистских и иных провокационных противоправных действий;

3) на этапе активизации начинается открытое возбуждение национальных, конфессиональных и стратификационных противоречий путем открытой радикальной идеологической пропаганды в информационном поле;

4) точка социальной бифуркации в которой информационно-психологическое воздействие на сознание радикально настроенных этно-религиозных общественных групп достигает кульминации; ухудшаются экономическая ситуация и состояние общественной безопасности; происходит активация оппозиционных сил; начинаются открытые антиправительственные выступления; проявляется экстремизм и происходит переход к вооруженной фазе борьбы против действующего государственного режима.

Заключение

Обобщая вышеизложенный материал, автор пришел к следующим выводам.

1. Экзистенциональная основа возбуждения социально-политического конфликта на межконфессиональной и межнациональной почве

создается посредством мировоззренческих и идеологических установок, формируемых путем внедрения в сознание человека радикальных этнических и религиозных взглядов, научных теорий и концепций.

2. Национально-конфессиональная конфронтация в гибридной войне представляет собой цель применения социально-политических технологий деструктивного воздействия на политическую систему общества. Этнические и религиозные различия используются в качестве обоснования объективности причин конфликта, создания мотивационных психологических доминант девиатного поведения.

3. Межнациональная и межконфессиональная конфронтации не имеют четких демаркационных линий и охватываются понятием социально-политический конфликт, так как: они связаны единством радикальных религиозных, этнических и идеологических установок; оказывают негативное влияние на функционирование политических институтов и дискредитируют деятельность государственных органов; отрицательно воздействуют на систему социальных, экономических отношений и разрушают государственность; влияют на состояние общественной безопасности и обеспечение правопорядка.

4. Искусственное создание условий возникновения и протекания социально-политического конфликта, обоснование его причинности и неизбежности становится возможным в силу объективного существования комплекса общественных противоречий этно-религиозного, экономического, политического и правового характера, урегулирование которых обществом возлагается на государственные органы власти.

Список литературы

1. Бухольц Н.С. Механизмы разрешения этнополитических конфликтов в процессе модернизации современной России: дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2006. 138 с.
2. СУиРП (Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате): 1905. Отд. I. № 51. ст. 404. // URL: <https://elib.uraic.ru/handle/> (Дата обращения: 02.08.2025).
3. Кузминский А.М. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 году, по Высочайшему повелению, сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. СПб.: Сенат, тип., С. 3-4, С. 16-18 / Электронная библиотека исторических документов // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/> (Дата обращения: 02.08.2025).
4. Новиков А.И. Власть и население Кавказа // Вестник права, 1905. № 6. С. 218-242.
5. СУиРП (Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате): 1905, отд. I, № 225, ст. 1876. // URL: <https://elib.uraic.ru/handle/> (Дата обращения: 02.08.2025).
6. Корелин А.П., Пушкирева И.М., Королева Н.Г. и др. Первая революция в России: Взгляд через столетие / отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. – М.: Памятники ист. мысли, 2005. 602 с.
7. Смолянский В.Г. Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985-1992). – Улан – Уде: БНЦ СО РАН, 1996. 185 с.
8. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – Москва: РОССПЭН, 2002 284 с.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 27. – Москва: из-во политической литературы, 1969. 643 с.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. 399 с.
11. Сорокин П.А. Социология революции. – М.: Академический проект, 2023. 615 с.

12. Вебер М. Избранные произведения. – Москва: Прогресс, 1990. 804 с.
13. Чичерин Б.Н. История политических учений. – М.: Из-во РХГА, 2006. 720 с.
14. Социологический энциклопедический словарь / редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. – Москва: Инфра-М – Норма, 1998. 488 с.
15. Рябинина Е.В. Актуальные проблемы конфликтологии: теоретико-методологический анализ // Теории и проблемы политических исследований, 2016. № 1. С. 126-141.
16. Политология: краткий словарь / Н.А. Басенко, В.Г. Доманов, Ю.Г. Запрудский; ред. В.Н. Коновалов. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. 448 с.
17. Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. – Ангарск: из-во АГТА, 2012. 167 с.
18. Вершинин М.С. Конфликтология: конспект лекций. – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2000. 59 с.
19. Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Краткая версия. – М.: РИПОЛ классик, 2017. 320 с.
20. Парма Р.В., Кравчук И.Д. Цифровые технологии внешнего деструктивного информационно-технологического воздействия на жителей приграничных с Украиной регионов России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки, 2024. № 2. С. 114-129.
21. Зеркин Д.П. Основы политологии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 544 с.
22. Репьева А.М. Феномен конфликта в политическом исследовании: понятие, виды и фазы протекания политического конфликта // Конфликтология / Nota Bene, 2015. № 1. С. 17-23.
23. Пугачев В.П. Политология: справочник студента. – М.: 2001. 576 с.
- Казарян И.Р. Межнациональные конфликты постсоветской России: возможности проявления и предупреждения: дис. ... канд. полит. наук. – Чита, 2011. 150 с.
24. Мамиев Р.З. Исторический опыт борьбы с религиозным экстремизмом в Российской Федерации в 1991 – 2008 гг.: дис. ... канд. истор. наук – Москва, 2011. 210 с.
25. Wellman, James K. Jr. «Religion and Violence: Past, Present, and Future» in Wellman, James K. Jr (Ed.). Belief and Bloodshed: Religion and Violence Across Time and Tradition. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2007. P. 10. // URL: <https://www.logos.com/product/> (Дата обращения: 19.08.2025).
26. Lilla M. The Stillborn God, Religion, Politics, and the Modern West. – New York: Alfred A. Knopf, 2007. 322 p.
27. Riesebrodt M. Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. D. Reneau, trans, Berkeley: University of California Press, 1993. 272 p. // URL: <https://books.google.ru/> (Дата обращения: 19.08.2025).
28. Fox J. Religion and State Failure: An Examination of the Extent and Magnitude of Religious Conflict from 1950 to 1996 // International Political Science Review, 2004. Vol. 25. № 1. P. 55-76. // URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view> (Дата обращения: 19.08.2025).
29. Hoffman F.G. Neo-Classical Counterinsurgency // Parameters, 2007. Vol. 37. № 2. P. 71-87. // URL: <https://www.academia.edu/> (Дата обращения: 19.08.2025).
30. Козер Л. Функции социального конфликта. – Москва: Идея-пресс, Дом интеллект. кн., 2000. 205 с.
31. Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий / Под общ. ред. А.Б. Михайловского. – М.: АНО ЦСОиП, 2015. 334 с.
32. Больщаков А.Г., Мансуров Т.З. Политическая конфликтология: конспект лекций. – Казань, 2014. 132 с.
33. Социологический энциклопедический словарь / редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. – Москва: Инфра-М – Норма, 1998. 488 с.
34. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. – М.: Политиздат, 1972. 496 с.
35. Смирнов М.Ю. Социология религии: Словарь. – СПб: из-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 412 с.
36. Рязанова С.В. Религиозный конфликт как нерелигиозный: форма, содержание, структурные элементы // Учёные записки ЗабГУ, 2016. Том 11. № 3. С. 26-32.
37. Фельдман Д.М. Политология конфликта. – М.: Стратегия, 1998. –99 с.
38. Козырев Г.И. Политическая конфликтология. – М.: ИНФРА-М, 2008 432 с.
39. Ланцов С.А. Политическая конфликтология. – СПб.: 2008. 318 с.

Bibliography

1. Bukholz N.S. Mechanisms for Resolving Ethnopolitical Conflicts in the Process of Modernization of Contemporary Russia: Diss. ... Cand. of Political Sciences. – Moscow, 2006. 138 p.
2. SUiRP (Collection of Government Laws and Orders, published under the Governing Senate): 1905. Section I. № 51. Art. 404. // URL: <https://elib.uraic.ru/handle/> (02.08.2025).
3. Kuzminsky A.M. Most humble note containing the main conclusions of the report on the audit of the city of Baku and the Baku province carried out in 1905, by Imperial order, by Senator Kuzminsky. St. Petersburg: Senate. type., P. 3-4, P. 16-18 / Electronic Library of Historical Documents // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/> (02.08.2025).

4. Novikov A.I. Power and Population of the Caucasus // Bulletin of Law, 1905. № 6. P. 218-242.
5. SUIRP (Collection of Laws and Orders of the Government, published under the Governing Senate): 1905, section I, № 225, art. 1876. // URL: <https://elib.uraic.ru/handle/> (02.08.2025).
6. Korelin A.P., Pushkareva I.M., Koroleva N.G. and others. The First Revolution in Russia: A View Through the Century / eds. A.P. Korelin, S.V. Tyutyukin. – Moscow: Monuments of Historical Thought, 2005. 602 p.
7. Smolyansky V.G. National Conflicts in the USSR and the CIS (1985-1992). – Ulan-Ude: BSC SB RAS, 1996. 185 p.
8. Dahrendorf R. Contemporary Social Conflict: An Essay on the Politics of Freedom. – Moscow: ROSSPEN, 2002, 284 p.
9. Lenin V.I. Complete Works. 5th ed., Vol. 27. – Moscow: Publishing House of Political Literature, 1969. 643 p.
10. Durkheim E. Suicide: A Sociological Study. – Moscow: Mysl', 1994. 399 p.
11. Sorokin P.A. Sociology of Revolution. – Moscow: Academic Project, 2023. 615 p.
12. Weber M. Selected Works. – Moscow: Progress, 1990. 804 p.
13. Chicherin B.N. History of Political Doctrines. – Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2006. 720 p.
14. Sociological Encyclopedic Dictionary / coordinating editor, Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. – Moscow: Infra-M – Norma, 1998. 488 p.
15. Ryabinina E.V. Actual Problems of Conflictology: Theoretical and Methodological Analysis // Theories and Problems of Political Research, 2016. № 1. P. 126-141.
16. Political Science: A Brief Dictionary / N.A. Basenko, V.G. Domanov, Yu.G. Zaprudsky; ed. V.N. Konovalov. – Ros-tov n / D: Phoenix, 2001. 448 p.
17. Mustafin A.A. Political Science: Dictionary of Modern Terms and Expressions. – Angarsk: AGTA Publishing House, 2012. 167 p.
18. Vershinin M.S. Conflictology: Lecture Notes. – St. Petersburg: V.A. Mikhailov Publishing House, 2000. 59 p.
19. Khazin M., Shcheglov S. Stairway to Heaven. Short Version. – Moscow: RIPOL classic, 2017. 320 p.
20. Parma R.V., Kravchuk I.D. Digital Technologies of External Destructive Information Technology Impact on Residents of Russian Regions Bordering Ukraine // Bulletin of Moscow University. Ser. 12. Political sciences, 2024. № 2. P. 114-129.
21. Zerkin D.P. Fundamentals of political science. – Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. 544 p.
22. Rep'eva A.M. The phenomenon of conflict in political research: concept, types, and phases of political conflict // Conflictology / Nota Bene, 2015. № 1. P. 17-23.
23. Pugachev V.P. Political science: a student's handbook. – Moscow: 2001. 576 p.
24. Mamiev R.Z. Historical experience of combating religious extremism in the Russian Federation in 1991–2008: diss. ... Cand. of History. Sciences – Moscow, 2011. 210 p.
25. Wellman, James K. Jr. «Religion and Violence: Past, Present, and Future» in Wellman, James K. Jr (Ed.). Belief and Bloodshed: Religion and Violence Across Time and Tradition. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2007. P. 10. // URL: <https://www.logos.com/product/> (19.08.2025).
26. Lilla M. The Stillborn God, Religion, Politics, and the Modern West. – New York: Alfred A. Knopf, 2007. 322 p.
27. Riesebrodt M. Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. D. Reneau, trans, Berkeley: University of California Press, 1993. 272 p. // URL: <https://books.google.ru/> (19.08.2025).
28. Fox J. Religion and State Failure: An Examination of the Extent and Magnitude of Religious Conflict from 1950 to 1996 // International Political Science Review, 2004. Vol. 25. № 1. P. 55-76. // URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view> (19.08.2025).
29. Hoffman F.G. Neo-Classical Counterinsurgency // Parameters, 2007. Vol. 37. № 2. P. 71-87. // URL: <https://www.academia.edu/> (19.08.2025).
30. Kozer L. Functions of Social Conflict. Moscow: Idea-Press, House of Intellectual Books, 2000. 205 p.
31. Arzumanyan R.V. Irregular Warfare Strategy: Theory and Practice of Application. Theoretical and Strategic Problems of Conceptualization, Religious and Military-Political Relations in the Operating Environment of Irregular Warfare / General Editor A.B. Mikhailovsky. – Moscow: ANO TsSOiP, 2015. 334 p.
32. Bolshakov A.G., Mansurov T.Z. Political Conflictology: Lecture Notes. – Kazan, 2014. 132 p.
33. Sociological Encyclopedic Dictionary / Editor-Coordinator, Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. – Moscow: Infra-M – Norma, 1998. 488 p.
34. Philosophical Dictionary / Ed. by M.M. Rosenthal. – Moscow: Politizdat, 1972. 496 p.
35. Smirnov M.Yu. Sociology of Religion: Dictionary. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2011. 412 p.
36. Ryazanova S.V. Religious Conflict as Non-Religious: Form, Content, Structural Elements // Scientific Notes of ZabGU, 2016. Vol. 11. № 3. P. 26-32.
37. Feldman D.M. Political Science of Conflict. – Moscow: Strategy, 1998. –99 p.
38. Kozyrev G.I. Political Conflictology. – Moscow: INFRA-M, 2008, 432 p.
39. Lantsov S.A. Political Conflictology. – St. Petersburg: 2008, 318 p.

Королёва Э.В.

*Кандидат социологических наук, доцент.
Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Ф. Шилова (Владивостокский филиал),
г. Владивосток. SPIN-код: 9505-4452*

Волынчук Я.А.

*Кандидат политических наук, доцент.
Владивостокский государственный университет, г. Владивосток. SPIN-код:
4500-8390*

Влияние имиджа супруги политика на формирование образа политического лидера

В научной литературе, относительно недавно, возобновился интерес к образу первых леди государств. Как отмечает исследователь Сайфатова А.Р. «институт первой леди представляет собой один из политических феноменов современного государства, в основе которого заложена та или иная вспомогательная деятельность супруги первого лица. Институт первой леди выступает весомым национальным символом [1, С. 279].

Имидж супруги политика может занимать значимую роль в формировании общего образа политической фигуры. Одним из катализаторов проявленного интереса к политику выступают их жены, особенно когда происходят значимые политические события, к которым прикована вся мировая общественность. В такие моменты, иногда происходит, смещение интереса к образу жены, а не к самому политику.

Вспомним, например, образ Раисы Максимовны Горбачевой. Её выступления и любые публичные проявления становились частью визуального и символического комплекта первого лица СССР. Образ Горбачевой Р.М. подвергался осуждению и активному обсуждению в медийном пространстве, однако сохранял взаимосвязь с образом её мужа и никак не выступал независимо от него.

Влияние института «Первая леди» претерпело значительную динамику развития. Он, подобно другим политическим феноменам, прошёл несколько стадий расширения и занял определённую нишу в политическом контексте и политическом пространстве. Ранее, в прошлые десятилетия

и столетия, супруги глав государств выполняли социально ограниченные роли, в первую очередь как ближайшие члены семьи, хозяйки домашнего очага и, возможно, представители общественных интересов на партийной или гражданской арене.

В современности образ первой леди выходит за рамки семейной сферы и начинает формировать собственный публичный профиль. Это отражается в смещении функциональных очертаний. Роль домохозяйки постепенно уступает место политической активности, что оказывает влияние на восприятие и институциональную функцию самого института.

Образ первой леди постоянно находится под пристальным вниманием средств массовой информации. Она неизменно присутствует в общественном и медийном пространстве, где каждый её выход становится предметом всестороннего анализа и обсуждения. Общественное дискурсивное пространство склонно к формированию мнений как позитивного характера, включая признание элегантности и развитого чувства стиля, так и критики, отражая полярные оценки, исходящие от различных социальных и культурных групп. Такой анализ является важным элементом изучения социально-политической роли первой леди в современной политической коммуникации.

С годами образ первой леди стал выходить за рамки традиционного статуса супруги главы государства. Влияние её участия в политической жизни и разнообразных общественных инициативах существенно усиливается и охватывает международное пространство, что приводит к формированию влияния на международную общественность и восприятие роли государства на глобальном уровне.

Как отмечает Прокопенко Л.Я «образ президента становится более понятным при взгляде на него сквозь призму личности его супруги. Первая леди, с одной стороны, является его партнером по браку, а с другой - представляет женщин своей страны и отчасти становится примером для них. «Первая» супружеская пара страны в определенной степени – один из факторов идентификации государства, в некоторых случаях воспринимается как национальный символ» [2, С. 82].

Образ первой леди может становиться объектом концентрации большого внимания как в положительном, так и в отрицательном ключе. Данная двойственная динамика обусловлена символической ролью первой леди в политическом поле и восприятием обществом нормативов женской роли в контексте государственной власти.

Введение образа первой леди, в контекст политico-символической

платформы, наглядно демонстрирует устойчивую гармонизацию образа самого лидера государства. Первая леди, порой своим присутствием снижает градус недоверия относительно ее супруга. Данная встроенность является весомым дополнительным компонентом визуально-коммуникативной презентации власти. Здесь также происходит процесс снижения конфликтности восприятия главы государства за счет фокусировки внимания на его супруге.

Имидж первой леди органически входит в нарратив лидерства, усиливая ключевые составляющие образа мужа. Кроме того, она снимает серьезный пласт политической агрессии, что свойственно мужским правилам игры в поле политических взаимодействий и коммуникаций. По мнению исследователей Гречишко С.В., Долгих Е.А. «Имидж Первых леди, основанный на ценностях страны, становится образцом для населения. Он оказывает следующее влияние: предоставляет модель ролевого поведения; устраниет противоречия между различными социальными группами (например, расистами и сторонниками равноправия); придаёт дополнительный статус и уверенность президенту; выполняет комфортизацию межличностных отношений во время проведения встреч; создаёт благоприятный имидж страны» [3, С. 51].

Быть первой леди государства – задача не из простых. Ведь важно не только посещать официальные мероприятия и сопровождать главу государства в деловых поездках, но и выглядеть при этом безупречно [4].

Визуальный образ выступает фундаментальным кодом политической культуры, определяющим как символическую презентацию политического лидера, так и имидж его супруги. Современное медиапространство характеризуется доминированием визуальных форм коммуникации, что обуславливает приоритет фотографий и иных визуальных элементов в структуре политического дискурса и медиакультуры. Можно согласится с мнением ряда авторов, что «Масс-медиа создают символический образ реальности, который формирует у аудитории картину мира, структурирует жизненные ценности и нормы. Ежедневно, обращаясь к СМИ за получением информации, мы сталкиваемся с публикациями, в которых так или иначе говорят о первых лицах различных государств, формируя у аудитории своё представление о данном политике, его режиме, народе и его стране в целом» [5, С. 60].

Каждая супруга высшего государственного деятеля характеризуется индивидуальным стилем, который формируется под влиянием национально-культурных традиций и социокультурного контекста страны.

Выбор одежды в данном случае выступает как способ препрезентации личных эстетических предпочтений и отражения культурных ценностей, транслируемых через внешний облик. Кроме того, по мнению Холод А. «Зачастую жены президентов поддерживали политику своих наделенных властью мужей не только при помощи общественной деятельности и медийного присутствия, но и тщательно выстроенного стилевого характера».

Расшитое цветами и бабочками бежевое платье Марты Вашингтон, голубое шелковое платье Сары Полк и пышный вечерний наряд с «дневным» корсетом, принадлежавший когда-то Мэри Линкольн, — одежда первых леди, на которую сегодня можно взглянуть в исторических музеях, подчас рассказывает нам больше о царивших в то время политических настроениях, чем скучные факты» [6].

Как отмечает Мулкаманова К. «Несмотря на то, что статус первой леди официально не закреплен, супруга президента выступает негласным представителем государства и власти, поэтому ее внешний образ требует сдержанности. Гардероб первых леди, в первую очередь, деловой и состоит из нарядов достаточно скромных и закрытых фасонов: длина платья не выше колена, прикрытие плечи и руки, неглубокое декольте. Такой имидж соответствует возлагаемой на женщину социальной ответственности, не оскорбляет чувства представителей разных национальностей и вероисповедания и вкусы консервативных людей» [7].

Стилистические предпочтения первых леди традиционно привлекают значительное внимание как со стороны общественности, так и профессионального сообщества. Такие модные решения оказывают воздействие на формирование культурных и эстетических стандартов, вызывая широкое обсуждение и нередко критику. В случаях, когда выбранный ими стиль соответствует критериям привлекательности и социальной значимости, он становится объектом подражания для большой аудитории, выходя за пределы национальных границ. Вследствие этого данные стилистические практики способствуют становлению и распространению новых тенденций в мировой моде.

Некоторые исследователи отмечают, что «Мелания Трамп и Бриджит Макрон, сами того не подозревая, вернули в политику моду. Кажется, что со времен Жаклин Кеннеди и Карлы Бруни Саркози мир никогда так не интересовался институтом Первых леди, как сейчас. Поведение, личная жизнь и – главное – наряды попадают под прицел не только традиционных fashion-изданий, но даже ресурсов, максимально далеких от

мира моды» [8].

Достаточно верно подметила исследователь Чекалюк В.В., что «внешность и обаяние - это козырные карты первой леди. Спорт, здоровый вид и позитивное мышление, внешний вид – как дань уважения к окружающим, она всегда на высоте. Скромна и роскошна одновременно, балансируя между женственностью и сдержанностью. Вкус – вот критерии леди. Так же первая леди умеет расположить к себе без слов, впечатлить взглядом, выражением лица, великолепной осанкой. Грация, элегантность и прямая спина является признаком достоинства и открытости обществу. Наряд и образ леди всегда будут к месту, и соответствовать времени и ситуации» [9].

Образ первой леди выступает в роли дополнительного институционального посредника, который усиливает взаимодействие между главой государства и общественным мнением. Этот феномен не ограничивается национальными границами и оказывает значимое влияние на транснациональное восприятие политического лидера и государства в целом. Существенную роль играет ее участие в общественных и благотворительных проектах, которые выполняют поддерживающую функцию в формировании имиджа главы государства.

Современный образ первой леди представляет собой не только социальный статус, но и значимый компонент психологического влияния на общество. Данное влияние формируется посредством совокупности факторов среди которых центральное место занимают визуальное восприятие личности, особенности поведения, а также невербальные сигналы, транслируемые первой леди в публичном пространстве.

Кроме того, сила института первой леди, по мнению Шубняковой А.И. «определенна тем, что свое влияние он оказывает мягкими, психологически тонкими методами, такое воздействие зачастую может оставаться во все незамеченным» [10, С. 120].

За внешне незаметным процессом воздействия на сознание аудитории скрывается тщательно выверенная работа имиджмейкеров, стилистов, психологов и консультантов, направленная на формирование образа первой леди государства. Эта работа охватывает не только внешний визуальный ряд, но и совокупность действий в контексте социально-политической активности, которые подбираются и выверяются с целью поддержания и усиления устойчивого имиджа главы государства и его супруги в общественном восприятии.

Еще стоит обратить внимание на такую сторону института первой

леди, как понимание структуры личности самого первого лица государства.

Выбор партнера по браку, всегда неслучаен и он может отражать системные предпочтения главы государства, в отношении социальных ролей, стереотипов гендерного поведения. Предполагается, что сопутствующие факторы выбора супруги отражают скрытые механизмы институционального образца главы, включая стратегии публичной коммуникации, стиль принятия решений и формирование политической идентичности. За поверхностной страстью к романтическим отношениям лежит значительный слой психоэмоциональных состояний, связанных с образом главы государства и его лидерским статусом.

Выбор союзника по браку может отражать сложную совокупность внутренних переживаний, личностных предпочтений и структурных особенностей личности, которые в совокупности формируют как индивидуальный психологический профиль, так и институциональный образ главы.

На основании исследуемого материала можно сделать следующие выводы. Институт первой леди демонстрирует активную интеграцию в государственной код власти, что свидетельствует о его роли в формировании политической повестки.

Исследование образа первых леди, в контексте политического имиджа лидера, выявляет присутствие параллельной линии, которая внедряется в общий нарратив лидера. Этот аспект выступает как элемент «мягкой силы» через визуальный и поведенческий стиль супруги главы государства, оказывает влияние на восприятие политического руководителя и формирует оценку его деятельности.

В рамках данного подхода образ первых леди рассматривается как механизм, через который формируется гражданское доверие или отторжение к главной политической фигуре страны.

Таким образом, образ супруги становится составной частью архитектуры политического образа и занимает устойчивое место в политическом пространстве, дополняя и усиливая образ самого мужчины-лидера.

Список литературы

1. Сайфатова А.Р. Политический институт первой леди: теоретические подходы // В сборнике Актуальные научные исследования. Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. В.2 ч. Пенза, 2024. С. 278-280.
2. Прокопенко Л.Я. Супруги на олимпе власти: роль «первой пары» в Африке, влияние ее имиджа на имидж страны // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 1. С. 82-100.
3. Гречишко С.В., Долгих Е.А. Имидж первой леди США как фактор влияния на политику государства: спо-

- собы формирования и сфера воздействия // Danish Scientific Journal. 2020. № 36-4. С. 51-55.
4. От Жаклин Кеннеди до Мелань Трамп: 7 самых стильных первых леди мира // URL: <https://www.grazia.ru/fashion/ot-zhaklin-kennedi-do-melani-tramp-7-samyh-stilnyh-pervyh-ledi-mira/> (Дата обращения: 5.11.2025)
5. Тутова Е.В., Андреиченко Л., Зидан Ж.Р. Первые леди Ближнего Востока: изменение образа в мировых СМИ // Litera. 2022. № 9. С. 59-69.
6. Холод А. Style Notes: стиль первых леди. Как образы жен глав государств влияют на популярную культуру? // URL: <https://posta-magazine.ru/article/first-ladies-style> (Дата обращения: 7.11.2025).
7. Мулкаманова К. Визуальный образ первой леди государства как средство влияния. // URL: <https://deziign.com/project/c3b4110273094e899e9e864340af98ca> (Дата обращения: 5.11.2025).
8. Первые модницы G20: стиль Первых леди мировых держав на саммите в Гамбурге // URL: <https://www.marie-claire.ru/stil-zjizny/g20-v-gamburge-samye-yarkie-fashion-vyihodyi-pervyi-ledi/> (Дата обращения: 5.11.2025).
9. Чекалюк В.В. Формирование государственного имиджа в лице первой леди // URL: <https://relga.ru/articles/4367> (Дата обращения: 5.11.2025).
10. Шубнякова А.И. Институт «первой леди» государства в России, США и западной Европе // Вестник социально-политических наук. 2021. № 20. С. 112-121.
11. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 111-117.
12. Горина Л.В., Талинский И.Д., Захарова М.С. Негосударственный сектор дошкольного образования: частные детские сады // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 52-62.
13. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.
14. Мартиросян В.Б.М. Особенности франко-русских отношений: Наполеон и Александр (1801-1805) // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 73-78.

Bibliography

1. Saifatova A.R. The Political Institute of the First Lady: Theoretical Approaches // In the collection Current Scientific Research. Collection of Articles from the XIX International Scientific and Practical Conference. Part 2. Penza, 2024. P. 278-280.
2. Prokopenko L.Ya. Spouses on the Olympus of Power: the Role of the “First Couple” in Africa, the Influence of Its Image on the Country’s Image // Scientific Notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 1. P. 82-100.
3. Grechishkina S.V., Dolgikh E.A. The Image of the First Lady of the United States as a Factor Influencing State Policy: Methods of Formation and Sphere of Impact // Danish Scientific Journal. 2020. № 36-4. P. 51-55.
4. From Jacqueline Kennedy to Melania Trump: The 7 Most Stylish First Ladies in the World // URL: <https://www.grazia.ru/fashion/ot-zhaklin-kennedi-do-melani-tramp-7-samyh-stilnyh-pervyh-ledi-mira/> (5.11.2025)
5. Tutova E.V., Andreychenko L., Zidane J.R. First Ladies of the Middle East: Changing Image in the World Media // Litera. 2022. № 9. P. 59-69.
6. Kholod A. Style Notes: The Style of First Ladies. How Do the Images of the Wives of Heads of State Influence Popular Culture? // URL: <https://posta-magazine.ru/article/first-ladies-style> (7.11.2025).
7. Mulkamanova K. Visual image of the first lady of the state as a means of influence. // URL: <https://deziign.com/project/c3b4110273094e899e9e864340af98ca> (5.11.2025).
8. First fashionistas of the G20: the style of the First Ladies of the world powers at the summit in Hamburg // URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/g20-v-gamburge-samye-yarkie-fashion-vyihodyi-pervyi-ledi/> (5.11.2025).
9. Chekalyuk V.V. Formation of the state image in the person of the First Lady // URL: <https://relga.ru/articles/4367> (5.11.2025).
10. Shubnyakova A.I. The Institute of the “First Lady” of the State in Russia, the USA and Western Europe // Bulletin of Social and Political Sciences. 2021. № 20. P. 112-121.
11. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn’t always bring prosperity // Almanac “Crimea”. 2025. № 50. P. 111-117.
12. Gorina L.V., Talinskij I.D., Zakharova M.S. Non-governmental preschool education sector: private kindergartens // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 52-62.
13. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.
14. Martirosyan V.B.M. Features of Franco-Russian relations: Napoleon and Alexander (1801-1805) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 73-78.

ЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

Курбанов Н.И.

Аспирант Института Международных Исследований (ИМИ)
МГИМО МИД России, стажёр-исследователь
ИМИ МГИМО (Московский государственный
институт международных отношений), г. Москва.

Квасов М.Д.

Студент-бакалавр факультета мировой экономики
и мировой политики Программа двух дипломов НИУ ВШЭ (Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии», г. Москва.

Калатин Е.Б.

Студент-бакалавр факультета мировой экономики
и мировой политики Программа двух дипломов НИУ ВШЭ (Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии», г. Москва.

Бузанова А.Р.

Студент-бакалавр факультета мировой экономики
и мировой политики Программа двух дипломов НИУ ВШЭ (Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии», г. Москва.

**Влияние противостояния КНДР
и Республики Корея на внешнюю торговлю
между Республикой Корея
с Китайской Народной Республикой в XXI веке**

Корейский полуостров сохраняет статус одного из наиболее нестабильных регионов в системе современных международных отношений. Напряжение между Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Республикой Корея (РК) характеризуются перманентной конфронтацией в сфере военно-политической безопасности, а также эпизодическими дипломатическими контактами. На протяжении последних десятилетий колебания в отношениях между КНДР и РК, включающие как ядерные испытания и военные провокации, так и периоды сближения, имели существенные региональные и международные последствия.

Актуальность данной темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, в 2025 году к власти в Республике Корея пришел Ли Чжэ Мён, чья политика в отношении КНДР характеризуется значительно более мягким подходом по сравнению с его предшественником, президентом Юн Сок Ёлем. Например, Ли Чжэ Мён приостановил работу радиовещательной кампании против Севера. Во-вторых, приход к власти в Соединенных Штатах президента Дональда Трампа и его жесткая тарифная политика в отношении Китая и практических всех западных стран, включая Республику Корея, вынуждают нынешнее правительство РК проводить крайне осторожную политику балансирования между США и Китаем. В-третьих, существует еще один важный фактор, влияющий на региональную политическую конфигурацию, а именно: углубляющееся стратегическое сотрудничество между Россией, КНР и КНДР. Более того, японские СМИ уже давно выражают обеспокоенность тем, что Пекин, Пхеньян и Москва, особенно начиная с 2022 года, формируют новый альянс, который грозит разрушить статус-кво во всей Восточной Азии [1]. Все это серьезно влияет на объем и динамику торговли между Республикой Корея и Китаем.

Целью данной статьи является анализ степени влияния изменений в отношениях между КНДР и РК на структуру международной торговли между Республикой Корея и Китаем в период с 2006 по 2025 год, с особым вниманием к периоду 2022-2025 годов. Настоящее исследование направлено на анализ, как периоды обострения и “разрядки” на Корейском полуострове отражались на сдвигах в двусторонних торгово-экономических отношениях, и в какой мере такие изменения отражают более широкие geopolитические тенденции.

В данном исследовании используется смешанный подход, сочетающий как количественные, так и качественные методы анализа для изучения влияния отношений между КНДР и РК на торговлю между Республикой Корея и Китайской Народной Республикой. Данная тема получила значительное развитие в международной научной среде. Южнокорейские исследователи, в основном из Института развития Кореи (KDI) и Сеульского национального университета активно разрабатывают данную проблематику. В частности, следует упомянуть Ким Джин Су [2], Хван Джэхо [3], Ким Кё Чхоля [4] и других.

Среди западных ученых можно выделить Кита А. Пребли, Шармэйн Н. Уиллис [5], Маркуса Ноланда [6], а также многих других. Российские исследователи также вносят вклад в более глубокое понимание дан-

ной проблемы, особенно в сфере изучения отношений между Китаем и КНДР [7].

Китай и Южную Корею связывают тесные экономические отношения, которые подчеркиваются высокими объемами торговли, прямых иностранных инвестиций и интеграцией цепочек поставок. Являясь крупнейшим торговым партнером Южной Кореи, Китай занимает центральное место в экономической стратегии Сеула. В то же время Пекин исторически поддерживает стратегические связи с Северной Кореей (и Россией), часто позиционируя себя как посредника и заинтересованную сторону в делах полуострова. Эта двойная роль создает сложную динамику, в которой межкорейские события могут косвенно влиять на торговую позицию Китая в отношении Южной Кореи, будь то через политические сигналы, экономическое принуждение или стратегическую переориентацию.

С момента нормализации дипломатических отношений в 1992 году между Китаем и Республикой Корея страны сочетали устойчивое укрепление отношений с периодическими спадами, которые, как правило, не подрывали основы экономической взаимозависимости. Хван Чжэхо характеризует эту траекторию как непрерывное, но неустойчивое развитие и анализирует ее через призму четырех факторов: экономики, восприятия и эмоций, дипломатии и безопасности, а также внутренней политики. Экономический фактор имеет первостепенное значение, поскольку за последние двадцать восемь лет товарооборот вырос примерно в сорок раз, а контакты между людьми выросли в сто раз, к 2018 году показатели составили 300 миллиардов долларов и 10 миллионов поездок [3, с. 2]. Данный масштаб объясняет, почему кризисы в первую очередь затрагивают сферу услуг, в то время как B2B-торговля товарами реагирует более инертно. Примеры Хвана иллюстрируют действие различных каналов. Так, во время «чесночного кризиса» 2000 года корейские пошлины на китайский чеснок спровоцировали ответные зеркальные пошлины Китая на корейские потребительские товары (включая мобильные телефоны), превратив узкий аграрный спор в жесткий торговый конфликт.

Особое значение имеет эпизод с THAAD (2016–2017 гг.), который связывает решения в сфере безопасности с избирательным экономическим давлением. Хван указывает на случай с сетью магазинов Lotte Mart как на показательный пример китайского экономического противодействия из-за решимости правительства Южной Кореи развернуть комплексы

ТНААД, отмечая также менее очевидное давление в сферах культуры, туризма и распространения “корейской волны” или «Халлю» [3, с. 4] Культурные и исторические нарративы (регистрация Каннинского фестиваля Тано в ЮНЕСКО, споры о национальном блюде кимчи и национальном костюме ханбок) имеют тенденцию в первую очередь сокращать объемы туризма, спроса на развлечения и потребление товаров.

А поскольку связи в сфере обслуживания стали более тесными (к 2018 году 8,99 миллиона поездок, около 1240 рейсов в неделю и около 70 тысяч китайских студентов в Республике Корея), их сокращение во время кризисов оказывает существенное экономическое воздействие [3, с. 5]. COVID-19 наглядно подтвердил это утверждение: в январе-мае 2020 года количество визитов из Китая сократилось до 650 тысяч (-73,1% в годовом выражении) [3, с. 5]. Для понимания причин, по которым политические кризисы не всегда напрямую отражаются на объеме торговли, следует рассмотреть динамику межкорейского взаимодействия, которое было проведено Ким Кё Чхолем. Анализ демонстрирует, что при прогрессивных правительствах Южной Кореи торговля была в значительной степени изолирована от политических колебаний благодаря «разделению политики и экономики», тогда как при консервативном курсе политические отношения напрямую влияли на торговлю. В период с 1989 по 2021 год общий объем межкорейской торговли составил 24,86 млрд долларов США, из которых 88,9% приходилось на коммерческие сделки (22,10 млрд долларов) и 11,1% – на некоммерческие операции (2,76 млрд долларов). Важно отметить, что некоммерческий обмен почти полностью является односторонним со стороны Юга (99,4%), а в коммерческом сегменте соотношение импорта к экспорту составляет 57:43 [4, с. 9-11].

Объединяя этот вывод с концепцией Хвана, можно сделать заключение применительно к китайско-корейскому случаю: кризисные явления оказывают избирательное воздействие на экономическое взаимодействие. Сфера услуг и потребительские рынки развиваются быстрее, поскольку они наиболее заметны, на них легко ориентироваться и они чувствительны к общественному восприятию. В то время как торговля промежуточными товарами в формате B2B остается относительно стабильной до тех пор, пока политика не начинает напрямую связывать вопросы безопасности с коммерцией. В этом смысле «чесночные споры», ответные меры в связи развертыванием комплексов ТНААД, культурная и историческая напряженность, а также ограничение туристических по-

токов из-за COVID имеют разные причины, но схожие каналы воздействия. Они подтверждают общую линию, которую описывает Хван: постепенное развитие с «неровностями», а результаты Кима объясняют, почему амплитуда торговых реакций определяется тем, разделены ли политика и экономика или, наоборот, связаны. То есть разделение политики и бизнеса уменьшает колебания, в то время как связь между этими двумя сферами усиливает их.

В период с 2006 по 2025 год наблюдалась устойчивая восходящая динамика объемов экспорта и импорта как в КНР, так и в РК. В Китае среднегодовой темп прироста экспорта за рассматриваемый период составил 9,21%, в то время как в Корее он составил 5,4%. [8] (Рис. 1.).

Темпы роста импорта в обеих странах относительно схожи с темпами роста экспорта в течение данного периода. Средний темп роста китайского импорта за указанный период составил 8,37%, а Корейский - 5,13%. [8] (Рис. 2.).

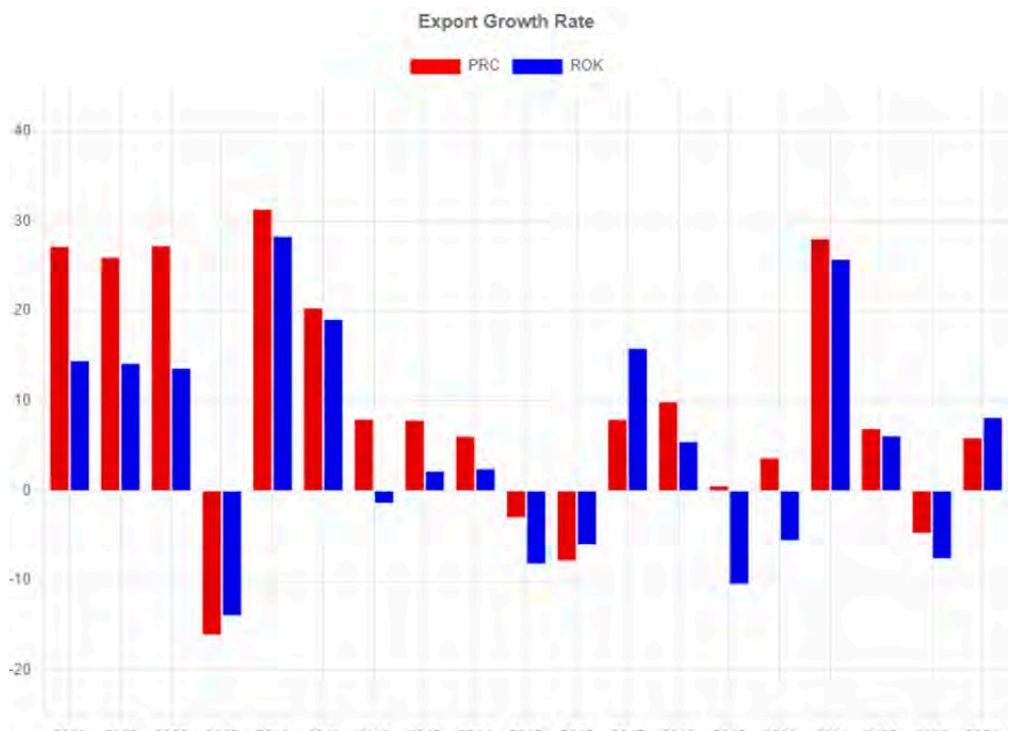

Рис. 1. Сравнение темпов роста Китайского и Корейского экспорта. Составлено авторами.

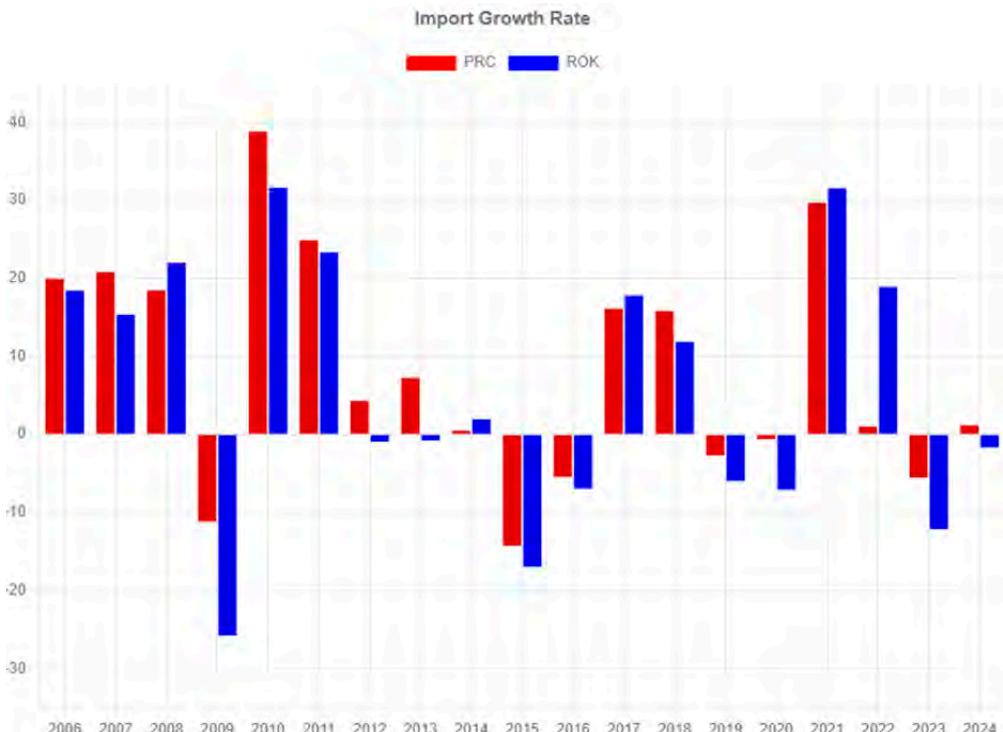

Рис. 2. Сравнение темпов роста Китайского и Корейского импорта.
Составлено авторами.

Экспорт из КНР в РК был относительно стабильным с 2006 по 2011 год. Тремя основными товарами, экспортруемыми из Китая в Южную Корею в указанный период, были машины, металлы и текстиль. Начиная с 2011 года текстильный экспорт был вытеснен химическими продуктами, такими как неорганические соли, циклические углеводороды и т.д. Эти основные категории экспорта оставались неизменными до 2022 года, когда химические продукты переместились с третьего места на второе. (The Observatory of Economic Complexity, 2023)

Что касается импорта, то в 2006 году тремя основными товарами также были машины и оборудование, химические продукты и приборы . В 2007 году приборы стали вторым по величине импортируемым видом товаров. Ситуация вновь изменилась в 2017 году, когда приборы стали третьей по импорту категорией, а химическая продукция – второй. Любопытно, что в 2021 году объем импорта приборов был превышен им-

портом пластмасс и каучуков [9].

Говоря об общей динамике торговли между КНР и РК, можно выделить четыре основных периода. Первый период, с 2006 по 2015 год, характеризовался наивысшими темпами роста, обусловленными растущим спросом Китая на машины и оборудование. Китай переживал технологический скачок, в то время как Южная Корея могла предложить товары по более низким ценам и с лучшим качеством. Кроме того, подписанное в 2015 году соглашение о свободной торговле (FTA) способствовало дальнейшему укреплению сотрудничества между двумя странами.

Во второй период, с 2015 по 2019 год, доля Китая в корейском экспорте превысила 25%, так Китай стал ведущим внешним рынком Южной Кореи, что было выгодно как КНР, так и РК. Более того, «кризис ТНААД» показал, что Китай может использовать различные источники влияния на РК, такие как манипулирование туристическими потоками и экономическими цепочками.

Третий период, с 2020 по 2022 год мы можем охарактеризовать, как время COVID-19, что выразилось в нарушении глобальных цепочек поставок. Тогда же были вскрыты опасности экономической зависимости от единого рынка, что привело к сокращению торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Южной Кореей. Дополнительным фактором снижения стало ускоренное развитие собственных промышленных мощностей Китаем, что уменьшило его зависимость от южнокорейских поставок.

Четвертый период продолжается с 2023 года по настоящее время. Опыт предыдущих лет вынудил Южную Корею диверсифицировать внешнеэкономические связи, сместив фокус с исключительно китайского рынка на другие направления. В частности, Республика Корея активизировала сотрудничество с США и странами Европы. Однако китайские компании начали напрямую конкурировать с корейскими на этих рынках, что показывает необходимость для Кореи продолжать поддерживать баланс между новыми направлениями и традиционным китайским рынком. Еще одним важным фактором стало экономическое напряжение, вызванное тарифной политикой администрации Дональда Трампа. Введенные против Китая пошлины побудили корейские компании переориентировать цепочки поставок, что сократило объемы торговли с КНР.

Заключение

Несмотря на значительные объемы торговли между Южной Кореей и

Китаем, обе страны сохраняют серьёзную зависимость от политической конъюнктуры. Общее позитивное развитие экономических контактов (в частности, положительное сальдо торгового баланса РК с Китаем) может существенно омрачено несколькими крупными кризисами. Южная Корея диверсифицирует свои торговые партнерства, формируются различные сценарии развития её отношений с Китаем. Следует принять во внимание то, что корейская торговля по-прежнему в значительной степени зависит от Китая [10]. Тем не менее, Южная Корея начинает решать проблему своей высокой зависимости от основного торгового партнера, смещая экономическую перспективу в сторону США в конце 2023–2024 годах.

Первый возможный сценарий развития отношений предполагает сохранение существующих темпов развития торговли, при которых обе страны, вероятно, будут демонстрировать однозначный рост товарооборота. Такой вариант реализуется, если в межкорейских отношениях не произойдет экстраординарных событий, а Южная Корея продолжит диверсификацию торговых связей. Что касается КНДР, вероятно Север, продолжит представлять угрозу для РК, и взаимодействие с Пекином (а также с Вашингтоном и Токио) будет использоваться в качестве рабочего канала для деэскалации возможных инцидентов. При таком развитии событий отношения между Республикой Корея и Китаем продолжат развиваться, однако параллельное развитие торгового взаимодействия с Китаем и США будет сопряжено с известными рисками, способными повлиять на темпы экономического роста.

Второй сценарий представляется менее оптимистичным на фоне текущего сотрудничества между Россией и КНДР. Военно-стратегический альянс РК-США-Япония будет вынужден наращивать свое военное присутствие в регионе. С высокой долей вероятности это спровоцирует жесткую реакцию со стороны Пекина, который продолжает рассматривать силы, связанные с США, как угрозу своему суверенитету и региональному статус-кво. В качестве наиболее ожидаемых торгово-экономических следует выделить потенциальные риски для крупных южнокорейских компаний, тесно сотрудничающих с Китаем, по аналогии с кризисом THAAD. Более того, учитывая сохраняющееся значительное влияние Китая на экспортно-импортные операции Республики Корея, можно прогнозировать существенное сокращение объемов двусторонней торговли.

Наконец, третьим возможным сценарием может стать возвращение к

политике, ориентированной на Китай, что может стабилизировать двусторонние отношения и положительно повлиять на темпы роста благодаря постоянному спросу на корейский экспорт. Кроме того, в этом случае ожидается значительное увеличение объемов импорта, хотя это может повлечь за собой риски для внутреннего производства в целом ряде секторов экономики. Помимо торговой сферы, углубление отношений с Пекином может позволить Сеулу, наконец, начать мирный диалог с Пхеньяном посредством инициатив по сотрудничеству КНР, РК и КНДР. Однако реализация такого сценария, вероятно, потребует длительного времени и будет осложнена существующими союзническими обязательствами Южной Кореи с США и Японией.

Список литературы

1. Акита Хироюки. «Китай и Северная Корея вывели российские военные связи на неизведанный уровень». Nikkei Asia. 19 октября 2024 г. // URL: <https://asia.nikkei.com/spotlight/comment/china-and-north-korea-boost-russian-military-ties-to-uncharted-levels> (Дата обращения: 22.11.2025).
2. Ким Джин Су, Хан Сон Ли. «Анализ связей между экономической торговлей Южной Кореи и Северной Кореи, Северной Кореи и Китая, Южной Кореи и Китая, а также конфликтами между Югом и Северной Кореей». Журнал евразийских исследований 2013. № 10 (3). С. 77-97. – <https://doi.org/10.31203/aera.2013.10.3.005>
3. Хван Чжэхо. «Непрерывное, но нестабильное развитие китайско-южнокорейских отношений: исследование с помощью четырёхфакторной модели». Журнал современных исследований Восточной Азии. 2021. № 10 (2). С. 218-229. – <https://doi.org/10.1080/24761028.2021.1965283>
4. Ким Кёчхоль. «Влияние межкорейской торговли и политico-экономического разделения на мир: анализ взаимных эффектов межкорейских отношений и межкорейской торговли». Журнал экономической политики KDI. 2023. № 45 (3). С. 1-24. – <https://doi.org/10.23895/kdijep.2023.45.3.1>
5. Кейт А. Пребл, Чармейн Н. Уиллис, Торговля с изгоями: северокорейские санкции и вызов вооруженной взаимозависимости, Global Studies Quarterly, апрель 2024. Том 4. Выпуск 2. 31 с. – <https://doi.org/10.1093/isagsq/kxae031>
6. Ноланд Маркус. «Экономические последствия ядерного прорыва Северной Кореи». Северокорейский обзор. 2007. № 3 (1). С. 5-19. – <https://doi.org/10.3172/nkr.3.1.5>.
7. Науменко А.С., Салтанов С.Д. Стратегическое оборонное партнерство России, Китая и Северной Кореи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 107-120. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-107-120
8. Центр данных ЮНКТАДстат. Unctad.org. 2024. // URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchGR> (Дата обращения: 22.11.2025).
9. Китай (CHN) Экспорт, импорт и торговые партнёры // Обсерватория экономической сложности. 2023. // URL: https://oec.world/en/profile/country/chn?selector358id=tradeValue&selector1879id=usd&selector2297id=trade_i_baci_a_02. (Дата обращения: 22.11.2025).
10. Корея переходит к торговле с Тайванем и Вьетнамом, поскольку тарифы США вызывают беспокойство // Korea JoongAng Daily. 2025. 30 июня. // URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2025-06-30/business/industry/Korea-pivots-to-trade-with-Taiwan-Vietnam-as-US-tariffs-rattle-foundation/2342063> (Дата обращения: 22.11.2025).
11. Иващенко Т.С., Тарасов И.Е. Документальное кино в учебном краеведении (на примере сериала «Исторические хроники Югры») // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 181-192.
12. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.
13. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.
14. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.

Bibliography

1. Akita Hiroyuki. "China and North Korea Establish Maritime Military Ties to Unknown Levels." Nikkei Asia. October 19, 2024 // URL: <https://asia.nikkei.com/spotlight/comment/china-and-north-korea-boost-russian-military-ties-to-uncharted-levels> (11.22.2025).
2. Kim Jin-soo, Han Sung-lee. "Analysis of the Linkages between South Korea and North Korea Economic Trade, North Korea and China, South Korea and China, and Conflicts between South and North Korea." Journal of Jewish Studies 2013. № 10 (3). P. 77-97. – <https://doi.org/10.31203/aepa.2013.10.3.005>
3. Hwang Jaeho. "Continuous but Temporary Development of China-South Korea Relations: A Study Using the Four-Factor Model". Journal of Modern East Asian Studies. 2021. № 10 (2). P. 218-229. – <https://doi.org/10.1080/24761028.2021.1965283>
4. Kim Kyochol. "The Impact of Inter-Korean Trade and Political-Economic Divide on Peace: An Analysis of the Mutual Effects of Inter-Korean Relations and Inter-Korean Trade". KDI Journal of Economic Policy. 2023. № 45 (3). P. 1-24. – <https://doi.org/10.23895/kdijep.2023.45.3.1>
5. Kate A. Preble, Charmaine N. Willis, Trading with Rogue States: North Korean Sanctions and the Challenge of Armed Interdependence, Global Studies Quarterly, April 2024. Vol. 4. Issue 2. 31 p. – <https://doi.org/10.1093/isagsq/ksae031>
6. Noland Marcus. "The Economic Consequences of Securing a North Korean Breakout". The North Korea Review. 2007. № 3 (1). P. 5-19. – <https://doi.org/10.3172/nkr.3.1.5>.
7. Naumenko A.S., Saltanov S.D. Strategic Defense Partnership of Russia, China, and North Korea // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2024. Vol. 26. № 1. P. 107-120. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-107-120.
8. UNCTADstat Data Center. Unctad.org. 2024. // URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchGR> (22.11.2025).
9. China (CHN) Exports, Imports, and Trading Partners // Observatory of Economic Complexity. 2023. // URL: https://oec.world/en/profile/country/chn?selector358id=tradeValue&selector1879id=usd&selector2297id=trade_i_baci_a_02. (22.11.2025).
10. Korea Pivots to Trade with Taiwan and Vietnam as US Calls for Tariffs // Korea JoongAng Daily. 2025. June 30. // URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/2025-06-30/business/industry/Korea-pivots-to-trade-with-Taiwan-Vietnam-as-US-tariffs-rattle-foundation/2342063> (22.11.2025).
11. Ivaschenko T.S., Tarasov I.E. Documentary films in educational regional studies (based on the example of the TV series "Historical Chronicles of Yugra") // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 181-192.
12. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.
13. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.
14. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // Almanac «Crimea». 2025. № 49. P. 134-143.

Бай Дунпэн

Магистрант. Департамент искусств и дизайна,
Школа искусств и гуманитарных наук.
Дальневосточный федеральный университет.
Преподаватель, Институт вычислительных наук
и техники, Хайнаньский университет, Хайкоу.

Сюй Сяобо

Старший преподаватель,
кафедра русского языка, Северо-восточный университет Китая.

Лэй Шуан

Кандидат политических наук, старший преподаватель,
кафедра русского языка, Хайнаньский университет, Хайкоу.

Корректировка арктической стратегии Индии в условиях новой арктической геополитической архитектуры

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Национального фонда общественных наук Китая (НФОН) в рамках научного проекта № 25BGJ022 «Сотрудничество между Китаем и Россией в освоении Северного морского пути и разработке ресурсов в контексте эволюции арктической ситуации».

Acknowledgments. This research was supported by the National Social Science Fund of China (NSSFC) under the research project № 25BGJ022, “China-Russia Cooperation in the Development of the Northern Sea Route and Resource Exploration in the Context of Evolving Arctic Dynamics”.

В последние годы Арктика, находящаяся на переплетении глобального потепления и великодержавного соперничества, переживает глубокую геополитическую реконфигурацию. В этом контексте Индия активно корректирует свою арктическую стратегию, переходя от первоначального научного участия к системному, многомерному вовлечению. В марте 2022 года Министерство наук о Земле Индии опубликовало документ «Арктическая политика Индии: создание партнёрства для

устойчивого развития» (далее – «Политика»), что ознаменовало официальное повышение уровня её арктического участия до национальной стратегии [1]. Цель данной статьи – проанализировать эволюцию, ключевые движущие силы, практические пути и вызовы, с которыми сталкивается арктическая стратегия Индии в сложной арктической архитектуре.

I. Стратегическая эволюция: от «научного участника» к «стратегически заинтересованной стороне»

Участие Индии в арктических делах началось относительно поздно, а её стратегическое продвижение характеризуется ярко выраженной ориентацией на конкретные вопросы и приоритетом двусторонних отношений. Знаковым событием современной арктической практики Индии стало создание в 2007 году научно-исследовательской станции «Химадри» в Ню-Олесунде на архипелаге Шпицберген, после чего в 2013 году страна получила статус страны-наблюдателя в Арктическом совете [2]. В последующее почти десятилетие арктическая активность Индии в основном ограничивалась сферой научных исследований.

Публикация «Политики» в 2022 году чётко обозначила стратегическое позиционирование Индии в условиях новой арктической геополитической архитектуры, ознаменовав качественное изменение её арктического участия. В этом документе системно построены шесть стратегических столпов: наука и исследования, климат и защита окружающей среды, экономика и общественное развитие, транспорт и связь, международное управление и сотрудничество, а также развитие национального потенциала, что демонстрирует всеобъемлющие стратегические амбиции. Это свидетельствует о том, что Индия больше не удовлетворена исключительно научной ролью, а стремится стать всесторонним «партнёром в области устойчивого развития» в арктических делах.

Примечательно, что в «Политике» Индия впервые чётко заявила о своём участии в арктических делах с позиции «страны третьего полюса», стремясь построить уникальный дискурс в управлении полярными регионами через климатическую взаимосвязь региона Гималаев и Арктики. Этот идентификационный нарратив, по сути, повышает её роль в арктических делах от внeregионального государства, занимающегося в основном техническим сотрудничеством, до «климатически заинтересованной стороны», имеющей отношение к глобальному климатическому управлению. Это придаёт её модели арктического участия стратегическую глубину.

бину, придавая действиям Индии научную и моральную необходимость, выходящую за географические ограничения.

II. Стратегические мотивы: арктическая активность, движимая множеством интересов

Стратегический интерес Индии к Арктике проистекает из её всё более сложной структуры национальных интересов:

1. Климатическая безопасность и сельскохозяйственная основа.

На Индию сильно влияет система южноазиатских муссонов, и было доказано, что изменения климата в Арктике тесно связаны с такими метеорологическими катастрофами, как экстремальные осадки в центральной Индии и волны тепла [5, р. 73]. Исследования показывают, что изменения площади морского льда в Карском море Северного Ледовитого океана оказывают значительное влияние на модели летних осадков в Индии [6]. Для Индии понимание арктических климатических механизмов стало стратегической необходимостью для обеспечения национальной продовольственной безопасности и стабильности жизни населения.

2. Энергетическая безопасность и потребность в ресурсах.

Будучи третьим по величине потребителем энергии в мире, Индия сильно зависит от импорта энергии [4]. Арктический регион богат нефтегазовыми ресурсами, в частности, такие проекты на российском Дальнем Востоке, как «Ванкорское месторождение» и «Арктик-СПГ-2», предоставляют Индии стратегические возможности для диверсификации импорта энергии [7]. Несколько индийских государственных энергетических компаний уже глубоко вовлечены в разработку российских арктических нефтегазовых месторождений, пытаясь создать долгосрочные и стабильные каналы поставок энергии [8].

3. Судоходный статус и геоэкономика.

Открытие Северного морского пути (СМП) значительно сократит морское расстояние между Европой и Азией [9], что может подорвать стратегическую ценность традиционных маршрутов через Индийский океан. Индия опасается, что её статус узла судоходства в Индийском океане может пострадать, и поэтому активно стремится участвовать в разработке правил использования арктических маршрутов и развитии инфраструктуры, пытаясь получить право голоса в будущей архитектуре арктического судоходства.

4. Статус великой державы и стратегический баланс.

Индия возвращает сильные амбиции стать «глобальной державой»,

и Арктика как новая сфера глобального управления естественным образом становится важной площадкой для демонстрации её международного влияния. Примечательно, что арктическая стратегия Индии содержит логику конкуренции с Китаем, и её стратегические шаги также демонстрируют эту направленность. Например, выдвинутая в «Политике» концепция продвижения Международного транспортного коридора «Север – Юг» (МТК «Север – Юг») в сторону Арктики создаёт отношения стратегического соперничества в пространственной архитектуре Евразии с инициативой «Один пояс – один путь» под руководством Китая [3].

III. Стратегическая практика: арктическое участие по множеству путей

Реализация арктической стратегии Индии характеризуется многоуровневостью и многоканальностью:

Сотрудничество с Россией как центральная ось.

Индия рассматривает Россию как ключевого партнёра в арктической стратегии, и их сотрудничество расширилось от традиционной разработки энергоресурсов до сферы науки, использования морских путей и безопасности. На научном уровне сотрудничество углубляется и конкретизируется. На Форуме «Арктический круг – Индия» в 2025 году директор Российской государственного научного центра «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт» (ААНИИ) Александр Макаров чётко обозначил широкие перспективы российско-индийского научного сотрудничества в Арктике и предложил сделать исследование вечной мерзлоты и её системы мониторинга ключевым направлением сотрудничества [10]. Этот шаг умело соединяет научные преимущества России в Арктике с озабоченностью Индии исследованиями вечной мерзлоты в регионе «третьего полюса» – Гималаях. Кроме того, учёные двух сторон на форуме углублённо обсуждали широкое влияние изменений климата в Арктике на глобальный климат, океан и доступ к ресурсам, а темы сотрудничества охватывали передовые области от сокращения льда и потепления до парниковых газов и углеродного цикла. На уровне судоходства, во время визита премьер-министра Моди в Россию в июле 2024 года, стороны договорились о создании совместного рабочего органа по Северному морскому пути (СМП) в рамках Межправительственной российско-индийской комиссии, для координации сотрудничества в ключевых областях, таких как поставки

энергии и развитие судоходства [11]. Это не только поможет сократить время и стоимость грузоперевозок между Европой и Азией, но и будет способствовать дальнейшей интеграции арктических маршрутов в систему международных транспортных коридоров. На уровне безопасности, хотя Соглашение о взаимной логистической поддержке ещё не окончательно подписано, продолжающиеся переговоры отражают тенденцию расширения сотрудничества в стратегические области. Если соглашение будет достигнуто, оно позволит обеим странам использовать логистические объекты и военно-морские базы друг друга [12], предоставив потенциальную поддержку для действий индийских судов в арктических водах и ознаменовав расширение двустороннего арктического сотрудничества от энергетики и науки к сфере безопасности.

Расширение многосторонних научных сетей.

Индия активно расширяет арктическое научное сотрудничество через двусторонние и многосторонние каналы. На двустороннем уровне с Норвегией была создана системная программа исследовательского сотрудничества (INDNOR), охватывающая связанные с Арктикой области, такие как климат, окружающая среда, чистая энергия, и предпринимаются попытки включить сотрудничество в рамки ЕС и северных стран [13]. Кроме того, Индия активно подписывает меморандумы о взаимопонимании по научному сотрудничеству с такими арктическими государствами, как Швеция, Канада и Дания, и, участвуя в многосторонних площадках, таких как «Министерская встреча по науке в Арктике» и проводя Форумы «Арктический круг – Индия», повышает своё присутствие и право голоса в арктических делах через научное сотрудничество в «малополитизированных» областях.

Продвижение проектов взаимосвязи.

Индия рассматривает Международный транспортный коридор «Север – Юг» (МТК «Север – Юг») как свой стратегический портал в Евразию и активно его продвигает. Этот коридор предназначен для перевозки грузов из Южной Азии через Иран, Каспийское море и Россию в Европу; его ключевое преимущество заключается в том, что он может снизить транспортные расходы примерно на 30% и сократить время перевозки до 40% по сравнению с традиционными маршрутами [14]. Стратегические намерения Индии простираются дальше: она активно изучает возможность стратегической стыковки этого коридора с российской системой арктических маршрутов для создания новой комбинированной сухопутно-морской артерии, ведущей непосредственно из Индийского океана

в Арктику [14]. Этот шаг ясно демонстрирует стратегические амбиции Индии по расширению своей геоэкономической архитектуры за пределы традиционной Южной Азии в масштабы всей «Большой Евразии». Соединяя «южную» логистику МТК «Север – Юг» с «северным» потенциалом арктических маршрутов, Индия не только стремится диверсифицировать торговые пути для снижения рисков, но и нацелена на фланговое внедрение в Арктику – в цепочку создания стоимости и систему управления этой новой глобальной стратегической сферой. Это свидетельствует о том, что арктическая политика Индии быстро переходит от первоначальной научной ориентации к модели глубокого участия, тесно сочетающей экономические потребности со стратегическим присутствием.

Усиление национального арктического потенциала.

Чтобы восполнить недостаток возможностей для практических действий в Арктике, Индия принимает многосторонние меры для повышения своего национального арктического потенциала. На уровне оснащения планируется построить четыре ледокольных судна неатомного класса для России, что означает официальный выход её судостроительной промышленности в сферу строительства судов арктического класса; на уровне кадров через такие механизмы, как Восточный экономический форум, проводится подготовка моряков с целенаправленным укреплением их навыков плавания в суровых арктических условиях. Эти меры будут системно усиливать реальное присутствие и оперативные возможности Индии в Арктическом регионе [15].

IV. Дileммы арктической стратегии Индии: геополитические и реальные ограничения

1. Дileмма геополитической «ходьбы по канату».

После конфликта на Украине геополитическая напряжённость в Арктике усилилась [16]. С одной стороны, Индия рассматривает отношения с Россией как центральную ось своего арктического участия, углубляя сотрудничество в энергетике, судоходстве и науке; с другой стороны, ей необходимо поддерживать отношения с США и Западом. Эта стратегия балансирования подвергается серьёзному испытанию из-за инициативы России по созданию новой архитектуры евразийской безопасности, «исключающей внешнее военное присутствие» – эта архитектура явно направлена на вытеснение США и других «внешних игроков» из Евразии [17], вынуждая Индию лавировать между противоречащими друг другу геополитическими требованиями.

2. Внутренние ресурсные ограничения.

Стратегический фокус Индии всегда находится в регионе Индийский океан – Тихий океан, а реализация её арктических амбиций сильно ограничена дефицитом внутренних политических и финансовых ресурсов. На политическом уровне давний территориальный спор и военное противостояние с Пакистаном сковывают её стратегическую энергию, затрудняя возможность уделять должное внимание освоению Арктики. На финансовом уровне скромные результаты экономических реформ правительства Моди отражаются в арктических делах в виде серьёзного отставания ключевых проектов по развитию потенциала: программа закупки ледоколов застопорилась из-за проблем с бюджетом почти на десять лет и до сих пор не реализована [3], в то время как Национальный центр полярных и океанических исследований (NCPOR), ведущее учреждение по арктическим исследованиям, получило в 2021–2022 финансовом году бюджет всего в 2,16 крор рупий, что совершенно не соответствует масштабу его грандиозных целей арктической политики [18]. В этом контексте между наступательной позицией Индии в Арктике и её ограниченными ресурсными вложениями возникла определённая структурная напряжённость, что ставит под сомнение долгосрочную исполнительность арктической стратегии страны.

3. Стратегическая дилемма в контексте дискурса «зелёного колониализма».

Энергетическое сотрудничество Индии с Россией в Арктике сталкивается с geopolитическими барьерами, устанавливаемыми Западом под предлогом экологических норм. Российские эксперты указывают, что этот так называемый «зелёный колониализм» по сути является политическим инструментом, используемым Западом для ограничения конкурентов и борьбы за доминирование над арктическими ресурсами [19]. Для Индии это представляет двойной вызов: с одной стороны, ей необходимо противостоять дипломатическому и медийному давлению, оказываемому Западом по экологическим вопросам, чтобы защитить свои ключевые энергетические и экономические интересы; с другой стороны, ей необходимо поддерживать свой образ ответственного глобального участника на международной арене. Это ставит Индию перед дилеммой в арктических делах: придерживаться pragmatичного сотрудничества, основанного на потребностях национального развития, или подчиниться международной экологической повестке дня, определяемой Западом, – её пространство для стратегического выбора значительно сужается.

Выводы

В перспективе продвижение арктической стратегии Индии будет демонстрировать ограниченную наступательную динамику. Несмотря на давление дискурса «зелёного колониализма» и риски распыления ресурсов, Индия будет продолжать опираться на сотрудничество с Россией как на центральную ось, стремясь найти прорыв в разработке арктических энергоресурсов и управлении морскими путями.

Однако её стратегическое пространство подвергается двойному сжатию: с одной стороны, расхождения между новой архитектурой евразийской безопасности, предлагаемой Россией, и позицией западного блока продолжают усугубляться, вынуждая Индию сталкиваться с ещё более сложным выбором в своей политике балансирования; с другой стороны, внутренние ресурсные ограничения будут существенно сдерживать её оперативные возможности в Арктике, препятствуя быстрой реализации некоторых стратегических замыслов.

Если Индия сможет превратить свой климатический нарратив о «третьем полюсе» в преимущество международного сотрудничества, она, возможно, сможет завоевать право голоса в области управления окружающей средой в Арктике. Однако в условиях обострения конкуренции великих держав Индия, будучи восходящей силой, хотя и может обогатить формы и содержание арктического сотрудничества, вряд ли сможет изменить существующую архитектуру в краткосрочной перспективе. Повышение её арктического влияния будет в большей степени зависеть от способности точно направлять ограниченные ресурсы в ключевые области, где у неё есть сравнительные преимущества.

Список литературы

1. Suryanarayanan Kanagavalli. Third Pole's View on the North Pole-India's Arctic Policy // The Polar Connection. 2022. April. 12. // URL: <https://polarconnection.org/third-pole-indiaarctic-policy/> (Дата обращения: 13.11.2025).
2. Куан Цзэнцинь, Оу Каифэй. Арктика: новая сфера сотрудничества и управления стран БРИКС // Журнал Гуансицкого университета (философия и общественные науки). 2018. № 1. С. 80-86.
3. Лэй Шуан. Арктическая политика Китая: стратегия, практика, международное сотрудничество: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.4 / Дальневост. федер. ун-т. Владивосток, 2022. 221 с.
4. Го Пэйцин, Ван Шупэн. Новые тенденции в арктической стратегии Индии: концептуальное проектирование и практический процесс // Исследования Южной Азии. 2022. № 3. С. 137-155+160.
5. Rajeevan M.N. The Arctic Teleconnections // Science and Geopolitics of The White World / ed. by P. Goel, R. Ravindra, S. Chattopadhyay. Singapore: Springer, 2018. P. 73-81.
6. A possible relation between Arctic sea ice and late season Indian Summer Monsoon Rainfall extremes / Sourav Chatterjee [et al.] // NPJ. Climate and Atmospheric Science. 2021. Vol. 4. № 36. Art. № 36.
7. ROSNEFT. Rosneft signed contract with Indian Oil for supplying up to 2 mln tons of crude oil to India. 2021. December, 6. // URL: <https://www.rosneft.com/press/releases/item/208741/> (Дата обращения: 15.11.2025).
8. India's Ministry of External Affairs. List of Agreements/ MoUs signed during the 21st India Russia Annual Summit. 2021. December, 6. // URL: https://www.meaindia.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl%2F34607%2FList_of_AgreementsMoUs_signed_during_the_21st_IndiaRussia_Annual_Summit (Дата обращения: 13.02.2025).

9. Лунев С. Индия устремилась в Арктику // РСМД. 2012. 02 апреля. // URL: <https://russianconcil.ru/analytics-and-comments/analytics/india-ustremilas-v-arktiku/> (Дата обращения: 13.02.2025).
10. Темы, касающиеся изменений в Арктике, обсудили на Международном арктическом форуме в Индии. // URL: <https://goarctic.ru/nauka/temy-kasayushchiesya-izmeneniy-v-arktike-obsudili-na-mezhdunarodnom-arkticheskom-forume-v-indii/?ysclid=mhycjtbwg4w770652159> (Дата обращения: 24.07.2025).
11. PM Modi's Russia Visit: Extending Ties in the Arctic within Greater Eurasian Space. // URL: <https://www.natstrat.org/articledetail/publications/pm-modi-s-russia-visit-extending-ties-in-the-arctic-within-greater-eurasian-space-153.html> (Дата обращения: 24.07.2025).
12. Песцов С.К. Потепление климата и похолодание отношений: арктические политики азиатских государств в меняющейся геополитической ситуации // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2025. № 3. С. 59-70.
13. The Research Council of Norway. The Norwegian Programme for Research Cooperation with India-INDNOR. // URL: <https://www.ntnu.edu/documents/1270974211/1295642488/India+programplan+english.pdf/a54fadbf1-245b-9d7e-caf4-4f3e17c53107?t=1602239052193> (Дата обращения: 24.07.2025).
14. Ху Дэкунь, Чжу Сяочао. Политика «продвижения на юг» Индии и «Международный север-юг транспортный коридор» // Исследования Южной Азии. 2019. № 2. С. 1-8+4.
15. Индийские ледоколы в Арктике: сотрудничество на ближайшие десятилетия. // URL: <https://arctic-russia.ru/article/indiyiske-ledokoly-v-arktike-sotrudnichestvo-na-blizhayshie-desyatletiya/?ysclid=mhybvjamif217417895> (Дата обращения: 24.07.2025).
16. Го Пэйцин, Ли Сяонин. Развитие и будущая направленность Арктического совета в контексте украинского кризиса // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2023. № 5. С. 143-161+166.
17. Захарова: новая архитектура безопасности в Евразии исключит внешнее военное присутствие. // URL: <https://tass.ru/politika/21208439> (Дата обращения: 24.07.2025).
18. Ministry of Finance. Notes on Demands for Grants, 2022–2023. 2022. February. P. 85. // URL: <https://www.indiabudget.gov.in/doc/eb/sbe24.pdf> (Дата обращения: 24.07.2025).
19. Пора обсудить «Зелёный колониализм» в Арктике. // URL: <https://tumen.mk.ru/social/2025/03/21/pora-obsudit-zelenyy-kolonializm-v-arktike.html?ysclid=mhyekctgvc438104750> (Дата обращения: 24.07.2025).
20. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.
21. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.
22. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 236-244.
23. Муталимов А.Э. Многоглядный Дагестан: социально-философские размышления о научной версии возникновения языкового многообразия // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 64-70.
24. Субботина Н.С., Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Саламатова Е.П. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 12-16.

Bibliography

1. Suryanarayanan Kanagavalli. Third Pole's View on the North Pole-India's Arctic Policy // The Polar Connection. 2022. April, 12. // URL: <https://polarconnection.org/third-pole-indiaarctic-policy/> (13.11.2025).
2. Kuang Zengjun, Ou Kaifei. The Arctic: A New Sphere of Cooperation and Governance for the BRICS Countries // Journal of Guangxi University (Philosophy and Social Sciences). 2018. № 1. P. 80-86.
3. Lei Shuang. China's Arctic Policy: Strategy, Practice, International Cooperation: Dis. ... Cand. of Political Sciences: 5.5.4 / Far Eastern Federal University. Vladivostok, 2022. 221 p.
4. Guo Peiqing, Wang Shupeng. "Emerging Trends in India's Arctic Strategy: Conceptual Design and Practical Process." South Asian Studies. 2022. Vol. 3. P. 137-155+160.
5. Rajeevan M.N. "The Arctic Teleconnections." Science and Geopolitics of the White World. ed. by P. Goel, R. Ravindra, S. Chattopadhyay. Singapore: Springer, 2018. P. 73-81.
6. "A Possible Relationship between Arctic Sea Ice and Late Season Indian Summer Monsoon Rainfall Extremes." Sourav Chatterjee et al.: NPJ. Climate and Atmospheric Science. 2021. Vol. 4. № 36. Art. № 36.
7. ROSNEFT. Rosneft signed a contract with Indian Oil for supplying up to 2 million tons of crude oil to India. 2021. December, 6. // URL: <https://www.rosneft.com/press/releases/item/208741/> (15.11.2025).
8. India's Ministry of External Affairs. List of Agreements/MoUs signed during the 21st India-Russia Annual Summit. 2021. December, 6. // URL: https://www.meaindia.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl%2F34607%2FList_of_Agreements-MoUs_signed_during_the_21st_IndiaRussia_Annual_Summit (13.02.2025).

9. Lunev S. India rushes to the Arctic // RIAC. 2012. April 2. // URL: <https://russianconcil.ru/analytics-and-comments/analytics/india-ustremilas-v-arkticu/> (13.02.2025).
10. Topics related to changes in the Arctic were discussed at the International Arctic Forum in India. // URL: <https://goarctic.ru/nauka/temy-kasayushchiesya-izmeneniy-v-arktike-obsudili-na-mezhdunarodnom-arkticheskem-forume-v-indii/?ysclid=mhyctbg4w770652159> (24.07.2025).
11. PM Modi's Russia Visit: Expanding Ties in the Arctic within Greater Eurasian Space. // URL: <https://www.nat-strat.org/articledetail/publications/pm-modi-s-russia-visit-extending-ties-in-the-arctic-within-greater-eurasian-space-153.html> (24.07.2025).
12. Pestsov S.K. Climate warming and cooling relations: Arctic policies of Asian states in a changing geopolitical situation // International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law. 2025. № 3. P. 59-70.
13. The Research Council of Norway. The Norwegian Programme for Research Cooperation with India-INDNOR. // URL: <https://www.ntnu.edu/documents/1270974211/1295642488/India+programplan+english.pdf/a54fadb1-245b-9d7e-caf4-4f3e17c53107?t=1602239052193> (24.07.2025).
14. Hu Dekun, Zhu Xiaochao. India's "Go South" Policy and the "International North-South Transport Corridor" // South Asian Studies. 2019. № 2. P. 1-8+4.
15. Indian Icebreakers in the Arctic: Cooperation for the Coming Decades. // URL: <https://arctic-russia.ru/article/indiskie-ledokoly-v-arktike-sotrudnichestvo-na-blizhayshie-desyatletiya/?ysclid=mhybvjamif217417895> (24.07.2025).
16. Guo Peiqing, Li Xiaoning. Development and Future Focus of the Arctic Council in the Context of the Ukrainian Crisis // Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia. 2023. № 5. P. 143-161+166.
17. Zakharova: The New Security Architecture in Eurasia Will Exclude External Military Presence. // URL: <https://tass.ru/politika/21208439> (24.07.2025).
18. Ministry of Finance. Notes on Demands for Grants, 2022–2023. 2022. February. P. 85. // URL: <https://www.india-budget.gov.in/doc/eb/sbe24.pdf> (24.07.2025).
19. It's Time to Discuss "Green Colonialism" in the Arctic. // URL: <https://tumen.mk.ru/social/2025/03/21/pora-ob-sudit-zelenyy-kolonializm-v-arktike.html?ysclid=mhyekctgvc438104750> (24.07.2025).
20. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.
21. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac «Crimea». 2025. № 49. P. 103-110.
22. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 236-244.
23. Mutalimov A.E. Multilingual Dagestan: socio-philosophical reflections on the scientific version of the emergence of linguistic diversity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 64-70.
24. Subbotina N.S., Achaeva M.S., Pospelova N.V., Salamatova E.P. Allusive proper nouns with the general semantics of "a small size" in a literary text // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 12-16.

Ндур Мухамет Дит Наби

Зый курс аспирантура.
Санкт-Петербургский государственный университет.

Государственная управляемость и институты, представляющие власть в государствах Западной Африки: культурное измерение

Введение

В государствах Западной Африки, слабость представительных институтов власти обусловлена отсутствием культурного представительства в наших странах. Выйдя из рабства и колонизации, эти страны унаследовали двойной психологический перелом, который препятствовал их способности инициировать создание африканского государства. С момента обретения независимости, африканские государства, особенно западноафриканские, в частности Сенегал, утратили инициативу построения африканского государства из-за своей зависимости от колонизатора. С 1960 года и по настоящее время, Сенегал основывал своё развитие и государственное строительство на мимикрии ; не имея возможности построить своё государство, самостоятельно, опираясь на собственные корни. В результате, несмотря на стабильность и прогресс страны по сравнению с соседними странами, её население считает себя маргинализированным в плане управления государством. В этом смысле, данное исследование поднимает вопрос об отсутствии культурного измерения в управляемости наших представительных институтов власти. Эта проблема подводит нас к вопросу: может ли государство без культуры объединить своё население?

Ответ на этот вопрос имеет основополагающее значение для разрешения политических кризисов в наших государствах. Для существования государства, необходимо наличие чётко определённой территории, на которой проживает население, разделяющее общую культуру. Это важно, поскольку решает проблемы гражданских войн, характеризует образовательный аспект и, безусловно, определяет цель его существования. В наши дни, это невозможно, если не учитывать основополагающее измерение прессы.

В странах Западной Африки, отсутствие государственной управляемости, особенно в культурном аспекте, не даёт нам возможности пережить глубокие политические кризисы, масштабы которых превзошли все остальные. Политические кризисы последних лет, отмеченные в Мали, Нигере, Буркина-Фасо и Гвинее-Конакри, наглядно демонстрируют это бедствие. Сенегал, в свою очередь, сумевший сохранить демократический курс, организовав свободные и прозрачные выборы, 25 марта 2024 года, столкнулся с тревожным расколом населения. Население может быть объединено историей, языком, короче говоря, культурой.

В этом исследовании, мы попытаемся выявить проблемы, послужившие причиной отсутствия культуры, и предоставить некоторые предпосылки для размышлений.

Культурный аспект представительства в управляемоти западноафриканскими государствами:

Маргинализация

Страны Западной Африки боролись за независимость и добились её ; не имея изначальной предрасположенности к государственному устройству, поскольку в других странах, управляемость является результатом длительного исторического процесса формирования общества. Слово «государство», которое мы встречаем повсюду и которое характеризует современную политическую организацию мира, было известно, по крайней мере, в том виде, в каком мы его понимаем сегодня, в XVI веке через Никола Макиавелли¹. Что означает европейское творение, созданное, не по образу и подобию африканцев; хотя, мы, однако, и не оспариваем его существование. В нынешнем состоянии мира, государство неизбежно представляет собой наиболее доступную промежуточную политическую организацию для наших обществ. Однако, для африканцев, это государство в Африке должно быть африканализировано, как Соединённые Штаты после обретения независимости от Соединённого Королевства или как страны Магриба, такие как Алжир и Марокко, после оккупации Францией.

В 1960 году, после обретения независимости Сенегалом, Мали, Буркина-Фасо и другими странами, они довольствовались сохранением колониальных процессов, не подвергая их ни малейшему сомнению. При этом, им не следует упускать из виду тот факт, что рабство и колонизация привели к двойному психологическому перелому в нашей системе управ-

1 Nicolas Machiavel, LE PRINCE

ления. Первый психологический перелом, вызванный рабством, привёл к возникновению у чернокожих комплекса неполноценности перед белыми, которых, они считают господами (до сих пор, в наших обществах, наблюдается что правда звучит белая). А второй перелом, вызванный колонизацией, повлиял на разделение (маргинализацию) населения внутри одного государства. В Сенегале, до обретения независимости, были французские граждане, родившиеся в четырёх коммунах: Дакар, Горе, Рюфиск и Сен-Луи (закон Блеза Диана от 29 сентября 1916 года). Рождение за пределами этих коммун, автоматически ведёт к статусу французского подданного. Мы напоминаем о статусе французского подданного первого президента Сенегала Леопольда С. Сенгора, который в то время, натурализовался, чтобы стать гражданином Франции.

После обретения независимости Сенегала, несмотря на попытки построить политическое устройство с соседними государствами, тем не менее, сохранил прежнюю организацию колонизатора. Более того, он принял французскую конституцию Пятой республики, институты власти и французское образование, в новой республике. Несмотря на то, что, всё население стало гражданами Сенегала, важно отметить территориальный дисбаланс, оставленный колонизатором. Помимо четырёх французских коммун, только регион Тиес, с 2004 года, стал самым развитым городом в Сенегале по сравнению с другими оставшимися регионами территории. В то время, как решение проблемы маргинализации ещё впереди, как и в случае, со священным городом Туба, построенным на основе сенегальской культуры под эгидой его основателя Шейха А. Бамбы; присутствие государства трудно заметить.

Причина натурализации Сенгора в качестве французского гражданина в период колонизации продолжает оказывать влияние на молодое сельское население, которое, достигнув зрелости в Сенегале, стремится к урбанизации; что делает Дакар, самым густонаселённым регионом страны. Это, среди прочего, привело к проблемам представительства во властных структурах.

Чтобы стать политиком и сохранять влияние в Сенегале, необходимо жить в Дакаре. Более того, население часто критикует политиков, депутатов, местных выборных должностных лиц и т.д. за то что, они покидают свою землю после назначения или избрания, оставляя заботы населения, которому они были преданы. Кроме того, большинство населения Сенегала, состоящее из «баол-баол, джолоф-джолоф,...» не отождествляет себя с политиками, воспитанными на западных тради-

циях и усвоившими их.

Сенегал, являющийся единой и неделимой республикой, имеет две системы образования: французскую и арабскую. Арабский интеллектуал, не умеющий читать, писать или говорить по-французски, не может стать президентом республики. Стремление к ассимиляции, вызванное колонизацией, подтолкнуло население к отказу от некоторых важных профессий, таких как сельское хозяйство, ремесла, рыболовство и т.д., которые они считают неформальными.

Таким образом, можно отметить, что выживание государства Сенегала будет зависеть от решения проблем маргинализации, являющихся результатом преемственности колониальной политики и невозможности интегрировать культурное измерение страны в системой управления.

Культурное измерение, фактор интеграции в государственной управляемости:

Присутствие государства символизируется культурным измерением через национальные гимны, флаги, гербы, национальные парады и т. д. Многокультурное население может самоорганизоваться в государство ; но, вряд ли обеспечит его развитие. Государство – это вопрос национальной идентичности, общей цели, то есть существования истории, компромисса в одном направлении. Сенегал, состоящий из различных этнических групп, на необъединённой национальной территории и с разнообразным образованием, находится в состоянии стагнации, спустя 65 лет после обретения независимости. В то время, как Алжир, достигнув того же уровня, что и при обретении независимости, с тех пор стремительно развивается.

Со времён Сенгора, политического предшественника национального единства, последующие режимы также пытались построить государство ; но без особого успеха. Тем не менее, Маки Салл сумел сделать огромные шаги в этом направлении, реализуя такие политические программы, как семейные стипендии и Программа экстренного развития общин (PUDC). Политические программы, направленные на восстановление маргинализированных районов, их расширять желательно.

Необходимо понимать что, благодаря политическим кризисам, особенно революционным, Европа смогла построить модель гражданства, которая в конечном итоге позволила ей обеспечить справедливое и эффективное государственной управляемости для своего развития. Гражданство порождает любовь к своей стране, уважение к институтам и

братство между жителями одной территории, поскольку в гражданстве то, что объединяет, будет сильнее того, что может вас разъединить. Другими словами, это можно объяснить исчезновением социальных классов (буржуазии, рабочих и т. д.) и возникновением нации, где права равны во всех отношениях.

К счастью для нас, революция – не единственный способ формирования гражданства; образование – ещё одно. Республиканское гражданство – единственный механизм, способный наполнить современную африканскую социальную структуру. Формирование гражданства в Африке, и в конечном счёте, нации (национального государства), возможно только через образование, поскольку классовая борьба завершена. Страны Западной Африки – слаборазвитые страны, и в них нет, ни развитой национальной буржуазии, ни рабочего класса достаточно сильного для совершения пролетарской революции. Только образование может формировать идеологии; но и также позволит нам знать свою историю, любить свою страну и избавиться от бремени, связанного с тем, чтобы ставить себя позади других. Более того, по словам Мишеля Паже и Кароль Симар², гражданство зиждется на пяти столпах, некоторые из которых: политическое чувство, участия в жизни институтов и способность оценивать политических лидеров в сотрудничестве с другими³. История Африки не давала людям времени восстать против своих правителей; а скорее, против рабства и колонизации. И все же, после отмены рабства и начала деколонизации, освободительное движение на литературном уровне было уже в полном разгаре благодаря негритюду с такими авторами, как А. Сезер, Л.С. Сенгор, Леон-Гон特朗 Дамас, Ги Тирольен, Бираого Диоп, Рене Депестр и т. д.

Негритюд – это литературное и политическое движение, возникшее в межвоенный период и основанное на осуждении самоуничижения мимикрии и деперсонализации критике колониального капитализма и т. д⁴. Одним словом, негритюд популяризирует идентичность и культурные ценности чернокожих народов, провозглашаемые ими своими, а также притязания на принадлежность к этим народам. Следует отметить, что государство – это национальная правовая организация, ограниченная территориями и населённая народом. Поэтому, интересно рассмотреть

² Participation civique et politique des citoyens issus de l'immigration Civil and political participation from immigrant citizens Carolle Simard et Michel Pagé // URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/du/2016-v16-du03932/1050948ar.pdf>

³ Michel Pagé, 1996 // URL: https://www.persee.fr/doc/diver_1299-085x_2002_num_129_1_1634

⁴ Saïd Bouamama, Figures de la révolution africaine, La Découverte, 2014. 82 p.

идею консервативных коммунитарианистов, для которых: «Государство должно активно способствовать ассимиляции в традиционный образ жизни сообщества. Государство не должно политически поддерживать нетрадиционные групповые идентичности – более того, оно должно даже препятствовать индивидуальным попыткам сохранить самобытность группы. Быть истинным членом сообщества предполагает приятие общих ценностей, вытекающих из исторических традиций сообщества»⁵. Однако, следует помнить что, эта модель гражданства не обязательно означает отвержение других. Мы выступаем за эффективную государственную управляемость, основанная на укоренённости и открытости, как это поддерживает Сенгор. Более того, противоположное утверждение несостоит, поскольку, мы понимаем, что либеральное государство сталкивается с ситуацией, в которой, оно должно обеспечить социальную сплочённость и признание различий, не отступая от принципа равенства граждан.

Модели развития, взятые из других источников, приводят нас к неопределённости в выборе пути развития для наших стран, поскольку они не исходят из нашей истории. Однако, можно вспомнить слова Франсуа Фюре, для которого «история вновь становится туннелем, по которому человек блуждает во тьме, не зная, куда приведут его действия, не зная своей судьбы, лишённый иллюзорной безопасности науки о том, что он делает. Лишённый Бога, демократический человек видит, как в конце этого века колеблется божественность истории, основанная на её фундаменте»⁶. Каждая страна должна продумывать свою культуру, своё развитие.

Туба – это действительно сенегальский город, построенный исключительно на идентичности сенегальского человека. Экономическое развитие этого города основано на сельском хозяйстве, религиозном образовании и покорности. У города Туба есть идентичность. Сенегальское население преимущественно мусульманское и христианское, живущее побратимски на одной территории. Действительно, религия является фактором интеграции в управлении страной. Более того, религиозные мероприятия, такие как Великий Магал Тубы, являются экономическим стимулом для страны.

Однако, на уровне политического представительства, отмена общенационального списка во время выборов в законодательные органы

5 Kymlicka, 1992. 59 р.

6 François Furet, *Le passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle*, Paris, R. Laffont-Calmann-Lévy, 1995. 808 р.

страны и содействие легитимному местному представительству могут сначала способствовать парламентской интеграции, а затем и закреплению выборных должностных лиц на своих территориях. Более того, государственная управляемость позволяет эффективно проводить политику, особенно на уровне представительных органов. Этому способствует наличие общей культуры у народов, проживающих на одной территории.

Вклад языка в государственной культурной управляемости в странах Западной Африки

Страны Западной Африки сталкиваются с различными проблемами, включая территориальную раздробленность, финансовые, языковые, этнические, демографические барьеры и т.д. В связи с этими проблемами, разработка целостного и последовательного плана развития для этих стран идёт медленно. Язык является основополагающим элементом государственного строительства. Он также является единицей измерения демократии посредством свободы прессы. Более того, именно в этом направлении, мы намерены направить исследование, поскольку сенегальская пресса сегодня всё больше волофизируется. После либерализации прессы режимом президента Абду Диуфа в 1980-х годах, тогда, мы наблюдаем становление независимой прессы, сенегальское телевидение, как правило, продвигало национальные языки, в частности Волоф, центрой дискредитации и искажения общественной дискуссии, что приводит к расколу между сторонниками и противниками власти. К этому замечанию, мы вернёмся позже.

Сенегал состоит из четырёх основных этнических групп, внутри которых выделяются подгруппы, каждая со своим языком⁷. Эти языки определены в конституции Сенегала как национальные⁸.

Этническая группа Волоф занимает первое место в классификации с долей 43%. Более того, язык Волоф является самым распространённым в стране. Во всех других этнических группах есть люди, которые понимают и говорят на языке Волоф. Этническая группа Волоф проживает на западе, в центрально-западной части страны и в крупных городах. Следует отметить, что их кухня и одежда так же схожи, как и язык, между другими этническими группами. Сенегальская нация, во многом отражает

⁷ Contribution au rapport spécial sur le droit à un logement convenable des peuples autochtones // URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Housing/IndigenousPeoples/States/Senegal.pdf>

⁸ Les langues nationales sont le Diola, le Malinké, le Pular, le Sérère, le Soninké, le Wolof et toute autre langue nationale qui sera codifiée.

традиции Волоф.

После волофов, идут Халпулаары, к которым относятся Фульбе и Туккулёры, составляющие 24% населения. Они в основном встречаются в Ферло, Верхнем Казамансе и долине реки Сенегала. Традиционно, они занимаются скотоводством. Хотя, этническая группа Волоф оказала значительное влияние на сенегальские традиции, вклад халпулааров в религиозную сферу имеет решающее значение. В Сенегале, великие религиозные деятели происходят из этой группы. Можно назвать Шейха Ахмаду Ба, Эль-Хаджи Малика Си, Шейха Омара Футиху Таля и других.

Сереры занимают третье место в рейтинге и составляют 15% населения. Они проживают на западе страны, на Пти-Кот и в Сине-Салуме, особенно на островах Салум. Волофы оказали влияние на страну своим языком, а халпулаары – своей религией, но сереры также внесли свой вклад в культуру и кулинарию. Традиционно, основным занятием сереров является земледелие.

Наконец, четвёртая этническая группа – Диола. Их доля оценивается в 8% населения, и они проживают в Нижнем Казамансе. Диола, как и сереры, традиционно занимаются земледелием. Их основное занятие – выращивание риса. Хотя халпулары исламизировали страну, Диола всегда сохраняли свои исконные традиции, в частности, обряды посвящения в священном лесу, традиционные церемонии и приношения фетишам – короче говоря, неисламскую традицию. В Республике Сенегал народ диола хорошо представлен в армии, где он вместе с серерами составляет большинство⁹.

Помимо этих четырёх основных групп, можно упомянуть этнические меньшинства, к которым относятся, среди прочего: бассари, бедики, ко-ниагуи, бадьянкэ, байнуки, баланте, манжаки, манканье, кароне, бандиалы, мандинге, малинке, сосе, бамбары, сонинке и т. д. Все эти этнические группы, как и четыре основные, имеют свой собственный язык и традиции. Сенегал – многообразная страна, где царит гостеприимство между этническими группами. Более того, первый президент Сенегала был представителем этнической группы серер, третьей по численности, и исповедовал католичество, хотя 95% населения составляют мусульмане. Маки Салл, четвёртый президент Сенегала, является халпулааром, выросшим в Фатике среди серер.

Наряду с этими этническими группами и их традиционным языком, в Сенегале существуют два вида школ: французская и арабская. Француз-

9 Casamance VTT: Un peuple authentique: les Diolas.

ский язык провозглашён в первой статье Конституции Сенегала, где он обозначен как официальный язык¹⁰. Французский язык играет важную роль в развитии страны. Если сегодня некоторые, популяризирующие национальные языки, будут оспаривать этот язык, мы скажем, что французский стал нашим языком благодаря нашей общей истории с Францией (например, тирадьёры) и франкофонии, чисто сенегальскому творению. Отказ от французского языка был бы стратегической ошибкой для Сенегала. Следует отметить, что в силу демографических факторов, один язык может вытеснить другой. Мы можем продвигать национальные языки, прежде всего, через образование, в прессе, но делать это постепенно. Однако французское и арабское образование можно поддерживать в той мере, в какой они взаимодополняемы и в этом смысле открыты для общих перспектив. Историю Сенегала следует больше учитывать, не игнорируя историю мира.

Однако в прессе, мы наблюдаем замену официального языка национальными языками. Это действительно фактор, апеллирующий к идентичности. Однако, даже если мы не отрицаем важность вклада национальных языков в демократизацию информации¹¹ в Сенегале, мы всё чаще отмечаем наличие противоречий в прессе, а не в науке. Обычно, анализ вклада либерализации прессы в демократию ограничивается отношениями между властью и прессой, условиями труда, рекламой и т. д., не ставя при этом диагноза деградации СМИ в связи с отказом от официального языка. С развитием новых информационно-коммуникационных технологий, сенегальская пресса увлеклась заботой о «просмотров», подобно ютюберам, а не построением национального и республиканского сознания, как это трактуется как цель общественной миссии.

С волофизацией телевизионных программ, дебаты стали открытыми для всех, как специалистов, так и неспециалистов. Раньше, для участия в телевизионной программе требовался интеллектуальный багаж, поскольку программа была не только посвящена социальной теме и звучала на государственном языке, но и сам спикер должен был быть специалистом в этой области. Сегодня, с волофизацией, ситуация обратная: достаточно просто обладать влиянием, чтобы претендовать на звание эксперта во всём (сенегальский обозреватель). Вспомним, хотя бы пример футбо-

10 La langue officielle de la République du Sénégal est le Français // URL: <https://primature.sn/publications/lois-et-reglements/loi-ndeg-2001-03-du-22-janvier-2001-portant-constitution-modifiee>

11 Article 8 : La République du Sénégal garantit à tous les citoyens les libertés individuelles fondamentales, les droits économiques et sociaux ainsi que les droits collectifs. Ces libertés et droits sont notamment : le droit à l'information plurielle,

ла, который весьма показателен. Когда играет национальная сборная, мы видим 18 миллионов тренеров, каждый из которых считает себя специалистом по мячу. Это наблюдается во всех областях: политической, экономической, экологической и т.д., что приводит к обострению скрытого конфликта между «Дому Даара и французской школой». Дому даара – это люди традиционной арабской школы.

В результате, мы видим, как специалисты покидают телевизионные программы, которые теперь переполнены комментаторами. Эти комментаторы, аналитики всего на свете, больше мотивированы популярностью, чем известностью. Известность — это способность быть искренним и правдивым, в то время как популярность — это способность быть популярным любыми средствами.

Продвижение национальных языков в прессе крайне важно ; но, оно должно ограничиваться общественной прессой. Национальные вещательные СМИ должны транслировать свои программы на официальном языке ; только за исключением развлекательных. В этом случае, мы решим проблему полемиста в пользу учёного. Таким образом, полемисты останутся на уровне общины или в социальных сетях; в противном случае, они будут готовиться к вмешательству на национальном уровне. Нерегулируемая свобода прессы разрушает общество. Демократия — это не режим анархии; она должна быть меритократической. Кроме того, в этом вопросе, я не знаю, как обстоят дела с жизнью в диктатуре, но демократию в Западной Африке можно охарактеризовать как безответственность. Необходимо сделать выбор между авторитарной, регулируемой демократией и безответственной демократией. В любом случае, пресса, чья миссия — повышение осведомлённости, может, с другой стороны, стать орудием раздора, политических кризисов, гражданской войны и т. д.

Заключение:

В конечном счёте, благодаря этому далеко не исчерпывающему исследованию, мы понимаем место культуры в системе управления государством, стремящимся к стабильности, идентичности, интеграции и развитию. Культура играет жизненно важную роль в жизни нации, учитывая, что мы живём в мире идей. Эта культура способствует эффективному развитию системы управления, которая призвана обеспечить более эффективное представительство. Сегодня представительство поддерживается прессой; поэтому его необходимо и далее регулировать, в частности,

путём восстановления официального языка для поощрения наиболее достойных. Таким образом, мы отмечаем, что культура объединяет, укрепляет солидарность и даёт жизнь нации, особенно через прессу, которая способствует формированию коллективного сознания. Без этого, маргинализация будет продолжаться и, в конечном счёте, приведёт к непреодолимым кризисам.

Список литературы:

1. Никколо Макиавелли, Принц. Гражданское и политическое участие граждан иммигрантского происхождения. Кэрол Симар и Мишель Паже // URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/du/2016-v16-du03932/1050948ar.pdf>
2. Мишель Паже. 1996 // URL: https://www.persee.fr/doc/diver_1299-085x_2002_num_129_1_1634
3. Саид Буамама, Деятели африканской революции, La Découverte, 2014. 82 с.
4. Kymlicka. 1992. 59 р.
5. Франсуа Фуре, «Прохождение иллюзии». Эссе о коммунистической идее в XX веке, Париж, издательство R. Laffont-Calmann-Lévy, 1995. 808 с.
6. Материалы для Специального доклада о праве коренных народов на достаточное жилище // URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Housing/IndigenousPeoples/States/Senegal.pdf>
7. Официальный язык Республики Сенегал – французский // URL: <https://primature.sn/publications/lois-et-reglements/loi-ndeg-2001-03-du-22-janvier-2001-portant-constitution-modifiee>
8. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.
9. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.
10. Кистенев В.В., Дрожжина Л.И. Специфика формирования народной культуры в Белгородском регионе: исторический аспект // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 212-220.
11. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

Bibliography

1. Niccolò Machiavelli, The Prince. Civic and Political Participation of Citizens of Immigrant Origin. Carole Simard and Michel Pagé // URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/du/2016-v16-du03932/1050948ar.pdf>
2. Michel Pagé. 1996 // URL: https://www.persee.fr/doc/diver_1299-085x_2002_num_129_1_1634
3. Said Bouamama, Figures of the African Revolution, La Découverte, 2014. 82 p.
4. Kymlicka. 1992. 59 p.
5. François Furet, "The Passage of Illusion". Essay on the Communist Idea in the 20th Century, Paris, R. Laffont-Calmann-Lévy, 1995. 808 pp.
6. Contributions to the Special Report on the Right of Indigenous Peoples to Adequate Housing // URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Housing/IndigenousPeoples/States/Senegal.pdf>
7. The official language of the Republic of Senegal is French // URL: <https://primature.sn/publications/lois-et-reglements/loi-ndeg-2001-03-du-22-janvier-2001-portant-constitution-modifiee>
8. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.
9. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.
10. Kistenev V.V., Drozhzhina L.I. Specificity of the formation of folk culture in the Belgorod region: historical aspect // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 212-220.
11. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

Сяожань Дэн

Сианьский университет Шию, Сиань, Шэньси, Китай.

Вэй Чжао

Сианьский университет Шию, Сиань, Шэньси, Китай.

Стратегия периферийной коммуникации сообщества с общим будущим всего человечества в фильме “Ланканг-Меконг: река, текущая на юг”

Xiaoran Deng

Xian Shiyou University, Xian, Shaanxi, China.

Wei Zhao

Xian Shiyou University, Xian, Shaanxi, China.

The peripheral communication strategy of the community with a shared future for mankind in the “Lancang-Mekong: the river that flows south”

1. Introduction

The high scoring humanistic documentary “Lancang-Mekong: The River That Flows South” launched by CGTN Documentary Channel spans across six countries including China, Cambodia, Laos, Myanmar, Thailand, and Vietnam, truthfully recording the lives of ordinary people along the Lancang-Mekong River. The film abandons grand and hollow political propaganda, starting from specific characters and relationships, and transforms the abstract concept of a community of shared destiny into tangible life experiences. Through the daily stories of eighteen Lancang-Mekong families, the film explores the deep wisdom of the river basin civilization around six themes: “floating life, freedom, mental discipline, perseverance, adaptation, and coexistence”, revealing a sense of community in subtle details. This article uses text analysis and content analysis methods to systematically interpret

how this visual work constructs a communication system for a community with a shared future for mankind.

2. Narrative Strategy: Weaving the Community Landscape of the Watershed with Individual Destiny

The theory of neighborhood communication emphasizes the advantages of geographical and cultural proximity in information transmission, and provides new ideas for the external dissemination of China's image, as the saying goes, "Those who are closer come first, those who are neighbors get first. In "Lancang-Mekong: The River That Flows South", the Mekong River not only exists as a natural river, but also plays a dual role as an "information carrier" and an "emotional channel". The creative team intentionally avoids floating national narratives and instead adopts dense and localized individual micro narratives, transforming the physical sense of "proximity" into emotional and destiny "communication", ultimately painting a picture of the Lancang Mekong community of shared destiny based on shared space, common experience, and empathy.

2.1 Organic Integration of Individual Micro Narrative and Watershed Group Image

Micro narrative is a narrative style that focuses on individual daily life, emphasizes details and cross-sections, often reflecting the changes of the times and social connections through the trivialities of ordinary people's lives. "Lancang-Mekong: The River That Flows South" goes deep into six Southeast Asian countries and tells the stories of ordinary people in the Lancang Mekong River Basin in the way of documentary photography: Li Ni, a skilled worker in Laos of the China Laos Railway, grew from an apprentice to a technical backbone and experienced the birth of a "road of development and friendship"; Pidie, a motorcycle driver from Bangkok, Thailand, sticks to the tradition of Confucian opera while working hard to make a living; Cambodian potter Sangbang continues the lifeline of ancient pottery craftsmanship with his hands; And there are those boatmen who sail on the Mekong River year-round, witnessing the river's transition from desolation to prosperity. These stories may seem independent, but they are closely linked by the core image of "the river". Each person is a node in the civilization network of the river basin. Through the narrative unit of "one person, one story", the collective image of the Lancang Mekong cultural symbiosis zone is finally assembled, vividly interpreting the civilization vision of "each beauty is its own beauty, and beauty is shared". The film uses this narrative technique to make the audience understand that a

community of shared destiny is not an abstract slogan, but a true interweaving of the life trajectories of countless ordinary people.

2.2 Deepening the Connotation of the Community Through Theme-based Narrative Structure

“Lancang-Mekong: The River That Flows South” organizes the entire structure with six themes of “floating life, freedom, mental discipline, perseverance, adaptation, and coexistence”, forming a network of meanings. For example, in the episode “Perseverance”, the stories of perseverance from three different cultural backgrounds are juxtaposed: the inheritance of Confucian opera by Thai Pidie, the promotion of Khmer shadow puppetry by Cambodian Man’koso, and the practice of Buddhist monks and temples in Laos, revealing the common spiritual core of civilization continuity. The theory of peripheral communication states that the peripheral communication of culture includes “the dissemination and exchange of different ethnic cultures within the country, cultural exchange and information dissemination activities between different races, and communication and information dissemination activities between major world cultures”. This film not only presents the surface differences in cultural practices, but also focuses on exploring the common spirit behind them. For example, in the chapter of “Coexistence”, the publication of the same name, Lancang-Mekong: The River That Flows South, supplemented the details of the construction of the China-Laos Railway and the fruit trade in Kunman, and told the changes and changes of the Lancang-Mekong River Basin in the way of “resonance first, then empathy”, interwoven with history and reality. This thematic narrative structure not only avoids the fragmentation of watershed stories, but also guides the audience to go beyond individuals and think about the deep connections of regional communities.

2.3 Expanding Narrative Dimensions Through Cross-media Collaboration

“Lancang-Mekong: The River That Flows South” constructs a cross-media collaborative narrative communication system, where different forms of media play their respective roles and echo each other, jointly expanding the scope of narrative influence and cognitive depth. As the emotional core, the documentary offers a visual epic to global audiences with 4K ultra high--definition images. Whether it is magnificent natural landscapes or delicate emotional moments of characters, they greatly enhance immersion and empathy. High--definition images present the magnificent scenery of the watershed, the resilient life of the people, and the colorful and vibrant culture to the audience, becoming the most direct and powerful medium to evoke empathy. At the same time, the accompanying books are not simply retellings of images, but serve the

functions of “knowledge accumulation” and “deep understanding”. The book adopts the framework of “adaptation, protection, and coexistence”, systematically sorting out the cultural background, historical origins, and emotional journey of eighteen-character stories, and supplementing the details that the documentary could not present due to time limitations. As Yan Chongnian, the general advisor and historian of the book, said, “This is a culturally vibrant, heartwarming, and worthwhile book to read again and again. Images touch people’s hearts, words continue to reflect, and the two work together to achieve smoother and more accurate translation of the narrative of the “Lancang-Mekong Community of Shared Future” in different cultural contexts, providing a replicable innovative paradigm for international communication with Chinese characteristics.

3. Emotional Strategy: Daily Fireworks Awakening Civilized Resonance Memory

All things that are similar are similar, those that are similar are easy to understand, general rules are subject to change, and changes lead to dissemination. To truly achieve cross-cultural recognition of the concept of a community with a shared future, consensus at the level of rational cognition is far from enough. The key lies in deep emotional resonance. This resonance has a powerful power. When audiences from different countries resonate with each other due to witnessing familiar scenes, experiences, or emotions, they not only re-examine their own historical trajectory and current situation, gain a deeper sense of cultural identity, but also open their hearts and increase their understanding and respect for the cultural evolution and integration of neighboring countries. “Lancang-Mekong: The River That Flows South” is well versed in this, using three emotional strategies to accurately touch and awaken the shared emotional memories and cultural genes of the people in the Lancang-Mekong River Basin, building an emotional bridge that crosses national borders.

3.1 Realistic Aesthetics Capturing the “Poetic Fireworks” of Life

Stories are the universal language that goes without saying in the world, and telling them well is the key to whether a documentary can attract people. The unique charm and core advantage of documentaries lies in their authenticity, which originates from life and has not been embellished. It is a window for the audience to objectively understand the true face of a country or region, and an effective way to assist neighboring diplomacy and eliminate misunderstandings. The film “Lancang-Mekong: The River That Flows South” delves into the daily scenes of the people in the river basin, such as fishermen in Dongli Sa Lake,

Cambodia, casting nets and fishing in the dim morning light; Thai rice farmer Tik can follow the ancient rituals passed down from generation to generation to worship the rice god with his elders. It deliberately avoids the expression of spectacle, and presents life scenes such as paddy field sacrifice, Loong Boat race, brine salt making, etc. with simple images. It is this “grounding” daily work and life ceremony that has been endowed with profound meaning beyond itself by the lens, and sublimated into a vivid metaphor of civilization’s endless growth and passing down from generation to generation. As General Consultant Ren Qiliang said, “These stories connect the network of rivers, lakes, and the vast land, connecting thousands of households and full of fireworks.” The subtlety of this authentic aesthetic strategy lies in its ability to allow audiences from different countries and cultural backgrounds to see their own reflections of life in these images, thereby naturally establishing a solid foundation for “emotional immersion” and paving the way for deeper resonance.

3.2 «Water Imagery» Connecting Collective Emotions

The Mekong River, as the “mother river” that runs through the six countries, has become an emotional symbol throughout the film. It is not only a livelihood waterway that Cambodian teenager Ala rides his boat through every day; It is also a natural barrier crossed by the railway bridge in Laos, symbolizing the desire for development and interconnection; It is also the economic artery of the continuous flow of China-Thailand fruit trading fleet, reflecting the vitality of regional cooperation. The film enhances the collective image of “drinking from the same river” through multi-dimensional and immersive approaches, transforming the geographically adjacent relationship into an emotional community cognition of blood ties. When the audience sees people from different countries sharing the same water body and drinking the same source of river water, a natural sense of closeness and identity originating from the source of life arises. This emotional connection based on shared survival dependence and cultural heritage effectively transcends the boundaries of political maps, building an intangible yet exceptionally resilient emotional bond in the hearts of the audience, providing a deep emotional soil for the consciousness of a community with a shared future. It does not pursue one-way information transmission, but is committed to establishing emotional connections among the people in the basin. By searching for common cultural memory roots, it tells empathetic stories that can cross national borders, depicts a common future that moves forward hand in hand, accurately touches and connects the collective memories and universal expectations in the hearts of the people,

and achieves true emotional integration. This deep two-way interaction is the core support for consolidating China's "emotional periphery".

3.3 "Harmony in Diversity" Transmitting Oriental Wisdom

The emotional expression of "Lancang-Mekong: The River That Flows South" is deeply rooted in Eastern philosophy. The gorgeous mask of Thai Kong Opera, the simple silhouette of Cambodian shadow play, and the exquisite craftsmanship of Myanmar lotus silk cloth, though different in form, jointly convey the value of tradition. The contradictions and conflicts that the protagonist of the story feels in the process of inheriting and integrating traditional culture and traditional skills are completely interlinked, though they are in different environments. All of them are the insistence of an ordinary person who devotes himself to the continuation of cultural characteristics and ways of life with distinctive national characteristics. The film does not avoid cultural differences, but emphasizes the symbiotic wisdom of "harmony in diversity". Just as the rice cultivation civilization migrated southward from the Yangtze River Basin in China, it has given rise to distinctive yet interconnected sacrificial cultures in various parts of Southeast Asia, becoming a symbol of national identity. The Asian rice worship and cultural practices that have lasted for thousands of years have already transcended regional boundaries and levels of production and lifestyle, and integrated into regional national spirit and culture. The film, through respect for differences and exploration of commonalities, guides the audience to naturally develop a sense of identity of "fate connected" in cultural comparison, injecting a deep emotional foundation into the concept of a community with a shared future for mankind.

4. Value Strategy: Anchoring Development Consensus in Historical Depth

In the face of global challenges, China's concept of a community with a shared future for mankind is not only a wise solution, but also reflects its willingness and practice to participate in shaping the international landscape. "Lancang-Mekong: The River That Flows South" always adheres to the principle of "people-oriented", and through a triple value construction strategy, transforms the concept into tangible regional practices, providing value recognition and development reference for the Lancang-Mekong Cooperation.

4.1 Concrete Presentation of the Concept of a Community with a Shared Future for Mankind

Everything has its surroundings and is most easily influenced by them. "Lancang-Mekong: The River That Flows South" turns the grand political con-

cept into a tangible reality story. As the flagship project of “the Belt and Road”, the China-Laos Railway, through the growth story of Lao worker Li Ni, the railway bridge he participated in the construction not only changed his personal destiny, but also enabled China to radiate to the Indochina Peninsula efficiently; The Kunman International Highway is an important component of the Asian Highway Network, starting from Kunming, China in the north, passing through Laos, and ending in Bangkok, Thailand in the south, achieving physical connectivity of “mountains no longer high, roads no longer long” and demonstrating how regional infrastructure connectivity benefits ordinary merchants; The performance project of “The Smile of Angkor” is a large-scale cultural epic stage play jointly created by Chinese and Cambodian artists, cleverly integrating the artistic essence of China and Cambodia, and achieving people to people communication through culture, art, and emotion as a bond. These cases illustrate the practical significance of the “development path, friendship path, and happiness path” from multiple dimensions such as transportation, trade, and culture, making the concept of a community with a shared future for mankind no longer a theoretical suspension, but a shareable development dividend. In the current international political landscape and discourse system, the dissemination of the concept of a community with a shared future for mankind is crucial for promoting global consultation, co construction, and sharing. The Lancang-Mekong Cooperation mechanism is a vivid practice of this concept, which demonstrates China’s concept and mindset of integrating its own development into the development of its surrounding areas and driving the development of its own areas. It seeks sustainable development with countries along the Belt and Road, fully demonstrating China’s great power style and responsibility as a leader in regional cooperation and a guardian of regional peace and development. Objectively, it effectively broadens the breadth and depth of people’s understanding of the concept of a community with a shared future for mankind at the peripheral level.

4.2 Multi-language Targeted Communication Enhancing Value Penetration

The effective dissemination of China’s voice in “Lancang-Mekong: The River That Flows South” is not only due to its successful micro narrative practice under the grand theme of “Lancang-Mekong Cooperation”, but also due to its multilingual (Chinese, Cambodian, Laotian, Burmese, Thai, Vietnamese) translation and targeted communication strategies. The film insists on telling its own story in the mother tongue of ordinary people in the countries along the route, effectively avoiding the narrative tendency centered on China, ensuring

the diversity and balance of content, and conveying China's national image of pursuing equality and fairness. In the dissemination of images to Southeast Asia, it is necessary to deeply grasp the commonalities between the region and China, as well as the commonalities among countries within the region. Making good use of the “indirect communication” channels between countries will provide a more effective path for objectively and practically building China's image. In response to the linguistic and cultural diversity of the Lancang Mekong River Basin, a precise and adaptable multilingual communication system has been constructed. The documentary includes multiple languages, and the books are simultaneously published in Chinese, English, Burmese, and Thai versions. Especially in the promotion of the Thai version, with the help of localized compilation by teachers and students from Yunnan Chinese University, accurate translation of cultural concepts is ensured; And it was selected to debut at the Bangkok Book Fair on the occasion of the “50th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations Between China and Thailand”, and has been permanently collected by the National Library of Thailand. This series of measures not only eliminates language barriers, but also cleverly embeds the community narrative into the cultural context of the target country, achieving deep value penetration.

4.3 The Three-dimensional Value System of “History - Current - Future”

The profound aspect of “Lancang-Mekong: The River That Flows South” lies not only in its moving emotional narrative and innovative communication matrix, but also in its successful construction of a three-dimensional value system that connects time and space and is interlinked. This system takes “historical depth - current landscape - future vision” as the coordinate axis, providing a solid and rich cognitive framework for the concept of “Lancang-Mekong Community of Shared Future”, guiding the audience to complete the value sublimation from understanding to recognition.

The first is the historical dimension, through the dissemination path of rice civilization, from the ancient origin of the Yangtze River Basin in China, all the way south, how its seeds, technology, and cultural connotations have taken root, sprouted, bloomed, and borne fruit in various countries in the Lancang Mekong River Basin; Another example is the exquisite evolution of silverware craftsmanship, how craftsmen from different regions inherit and innovate their skills through exchange and mutual learning, forming metal art with unique characteristics and blood ties. These stories are not simply a retrospective of history, but rather a concrete presentation through archaeological discoveries, oral history, contemporary practices of traditional skills, etc., which irrefutably

reveal the profound cultural homogeneity among the countries in the basin. It conveys a core message to the audience that the cultural genes shared by the people of the Lancang-Mekong River Basin are not accidental, but a close connection naturally formed in the long historical process. This deeply rooted cultural foundation is the historical inevitability and cultural legitimacy basis for building a contemporary community with a shared future. Only by understanding “where do we come from” can we truly comprehend “why we must walk hand in hand”.

The second is the current dimension. “Lancang-Mekong: The River That Flows South” shows the great achievements of the concept of a community of shared future in the Lancang-Mekong region with vivid practical cases. It focuses on landmark cooperation projects that change the regional pattern and benefit people’s livelihood. In the China-Laos Railway Mekong River Bridge cooperation project, the crane driver Li Ni became a vehicle repairman on the construction site, bringing him long-term stable income; The insole production plant invested and built by a Chinese company has brought stable employment opportunities to the people of Pingyang, Vietnam; It tracks the busy trade fleets on the Lancang-Mekong waterway, demonstrating how this “golden waterway” has become a major artery for regional economic cooperation, carrying efficient circulation of goods such as fruits, grains, and industrial products, and vividly interpreting the tangible dividends brought by “facility connectivity and smooth trade”. These ongoing stories are no longer abstract political propaganda, but tangible opportunities for improvement and development for ordinary people. They strongly demonstrate that the concept of a community with a shared future is not a castle in the air, but has a solid practical foundation and significant practical feasibility. The audience can see from it that cooperation is feasible, development is shared, and community building is bringing tangible benefits.

The third dimension is the future dimension. The perspective of “Lancang-Mekong: The River That Flows South” is forward-looking towards a common future, especially in the chapter of “Compliance”, where elephant breeder Pustai built an elephant conservation camp called “Changtai” near Chiang Mai in northern Thailand to protect abandoned elephants; Zhao Qiliu, from Shuanglang Town, Cangshan, Dali, Yunnan, has transformed from a fisherman to a chef at a tourist restaurant in support of the government’s ban on fishing and lake closure to protect the ecological environment of Erhai Lake, etc. The needs of human and animal, human and nature, and human and modern life require people to seek solutions through reverence and obedience, pointing

towards the sustainable development vision of parallel “ecological community” and “development community”. It clearly indicates that in the face of global challenges, the Lancang-Mekong countries can only ensure the prosperity and security of future generations by adhering to the concept of symbiosis and working together to seek sustainable development. This highlights the extreme necessity and historical urgency of deepening the construction of a community with a shared future.

This gradual cognitive process ultimately guides the audience to complete a value leap, from admiration for the mutual learning of civilizations among countries in the basin, recognition of current cooperation wisdom, to profound recognition of the higher-level goal of working together to create wisdom and achieve symbiosis and prosperity. The value sublimation of “mutual learning of civilizations → coexistence of wisdom” is thus realized, and the concept of a community with a shared future is internalized from an abstract concept to a genuine cognition and emotional belonging in the hearts of the audience regarding the common destiny of the region. This three-dimensional value system is the core pillar of “Lancang-Mekong: The River That Flows South” that surpasses ordinary documentaries in terms of ideological depth and successfully undertakes the important mission of “peripheral communication”.

Conclusion

Nowadays, China and the world have deeply integrated and shared weal and woe. The relationship between the two sides stands on a new historical position, and their future and destiny are inseparable. China is increasingly inseparable from the world, and the world is also increasingly inseparable from China. The novel “Lancang-Mekong: The River That Flows South” provides a new path of exemplary significance for the dissemination of a community with a shared future for mankind through the innovative integration of narrative, emotion, and value strategies. Based on the cooperation in the Lancang Mekong sub region, macro policy expressions have been transformed into micro individual narratives, political discourse has been integrated into cultural and emotional expressions, and development concepts have been implanted into historical and cultural contexts, achieving a leap from conceptual propaganda to deep recognition of “peripheral communication”. Its successful practice has shown that effective regional community communication needs to follow three core principles: using people as mirrors to see a common destiny, using emotions as a bridge to connect the genes of civilization, and using profit as the anchor to consolidate the consensus on development. When more works

with “warmth, depth, and thickness” take root in neighboring countries, the concept of a community with a shared future for mankind will bloom more luxuriantly in the soil of Asia.

Список литературы

1. Лу Ди, Сюй Кэпу, Чэнь Си, «Концепция и характеристики периферийной коммуникации» – часть серии исследований теории периферийной коммуникации [J]. «Современная коммуникация» (Журнал Китайского университета коммуникаций), 2015. № 37 (3). С. 29-34.
2. Лу Ди, «Формирование и углубление парадигмы теории периферийной коммуникации» [J]. «Современная коммуникация», 2021. № 3. С. 28-31.
3. Пэн Цуй, Бай Литин, ЧжАО Лиа, «Исследование практики коммуникации и нарративного режима окружающей среды: исследование на основе документального фильма «Дорога к процветанию» [J]. «Новые наблюдения за интеграцией медиа», 2024. № 6. С. 5-14.
4. Чжоу Жэньюй, «Выражение образа в построении национального имиджа с точки зрения периферийной коммуникации: пример документального фильма Центрального телевидения «Дом за горизонтом» в Центральной Азии» [Ж]. Southeast Communication, 2021. № 5. С. 124-126.
5. Сунь Янфэн, «Исследование мейнстримного документального кино на тему «Инициатива «Один пояс, один путь» с точки зрения теории периферийной коммуникации» [Д]. Цзянуский педагогический университет, 2020.
6. Лю Вэнь, «Рассказывая хорошие истории о соседних регионах и строя сообщество с общим будущим в соседних регионах» – Резюме семинара по китайско-вьетнамскому совместному документальному фильму «На берегу реки Наньси» [Ж]. China Radio & TV Academic Journal, 2020. № 4. С. 46-47.
7. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаев И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.
8. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский имперализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.
9. Шчупленков О.В., Шчупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

Bibliography

1. Lu Di, Xu Kepu, Chen Si, The Concept and Characteristics of Peripheral Communication – Part of the Peripheral Communication Theory Research Series [J]. Modern Communication (Journal of Communication University of China), 2015. № 37 (3). P. 29-34.
2. Lu Di, The Construction and Deepening of the Peripheral Communication Theory Paradigm [J]. Contemporary Communication, 2021. № 3. P. 28-31.
3. Peng Cui, Bai Liting, Zhao Liya, Exploration of Surrounding Communication Practice and Narrative Mode: A Study Centered on the Documentary “The Road to Prosperity” [J]. New Observation of Media Integration, 2024. № 6. P. 5-14.
4. Zhou Renyu, Image Expression in the Construction of National Image from the Perspective of Peripheral Communication: A Case Study of the Central Television Documentary “Home Beyond the Horizon” in Central Asia [J]. Southeast Communication, 2021. № 5. P. 124-126.
5. Sun Yanfeng, Research on Mainstream Documentary on the Theme of “The Belt and Road Initiative” from the Perspective of Peripheral Communication Theory [D]. Jiangsu Normal University, 2020.
6. Liu Wen, Telling Good Stories About the Surrounding Areas and Building a Community with a Shared Future in the Surrounding Areas - Summary of the seminar on the Sino-Vietnamese co production documentary “Beside the Nanxi River” [J]. China Radio & TV Academic Journal, 2020, № 4. P. 46-47.
7. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaev I.A., Khranova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac “Crimea”. 2025. № 49. P. 54-62.
8. Goltsov A.N., Dediu E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac “Crimea”. 2025. № 50. P. 21-33.
9. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Аннотации

Иларионова Т.С.

Высшее образование как основа эффективной государственной службы в Германии

Для стран Европы актуальным остается вопрос подготовки чиновников. В Германии происходят заметные изменения в преподавании основных предметов, касающихся существа деятельности государственных органов, возникают специальные высшие учебные заведения и отделения в действующих университетах для удовлетворения потребности властных институтов в подготовленных и компетентных кадрах. Получило распространение дуальное образование для замещение должностей начальной и средней государственной службы. Статья посвящена рассмотрению этих и иных новых технологий, которые могут быть взяты на вооружение российской системой подготовки государственных и муниципальных служащих.

Ключевые слова: Германия, подготовка чиновников, дуальное образование.

Высоцкий И.В.

Развитие института публичных слушаний в системе местного самоуправления

В статье анализируется развитие публичных слушаний как института непосредственной и диалоговой демократии. На современном этапе социально-политического развития необходимо искать различные пути, методы и площадки для выстраивания конструктивного диалога между властью и обществом, мотивации жителей к проявлению гражданской инициативы. В условиях цифровизации как никогда важно выстраивать векторы взаимодействия представителей власти и населения, находить компромиссы и взаимовыгодные решения. Обоснована важность и необходимость присутствия в цифровом поле представителей муниципальной власти как лидеров мнений, которые потенциально могут формировать как интерес к публичным слушаниям, так и повысить эффективность их проведения. Обозначены характерные признаки, основные проблемы института публичных слушаний на современном этапе, представлены основные способы их решения.

Ключевые слова: публичные слушания, местное самоуправление, жители, демократия, политическое участие, гражданская инициатива, муниципальная политика, публично-властные функции.

Лаптев И.А.

Роль социальных сетей в политической коммуникации

Политические коммуникации являются неотъемлемой частью государственного управления, представляя собой процесс передачи политической информации, позволяющий структурировать политическую деятельность и формировать общественное мнение и политическую социализацию граждан с учётом их потребностей и интересов. С помощью политической коммуникации передаются политические смыслы, которые необходимо доносить до населения. Однако, в период активной цифровизации и развития технологий, старые способы трансляции политической коммуникации и каналы, через которые она транслируется, устаревают, поскольку не позволяют охватить необходимую часть населения. В связи с этим важным оказывается поиск новых эффективных каналов политической коммуникации, одним из которых являются социальные сети и мессенджеры. В статье рассматриваются особенности социальных сетей как канала политической коммуникации, положительные и отрицательные стороны использования социальных сетей в политической коммуникации.

Ключевые слова: политическая коммуникация, социальные сети, политические смыслы, мессенджеры, каналы политической коммуникации.

Асланов А.Р.

Внутренний социально-политический конфликт в гибридной войне: национальные и межконфессиональные свойства

Целью написания статьи является анализ и оценка явления социально-политического конфликта как результата применения неконвенциональных технологий гибридной войны, искусственно созданной угрозы действующей политической системы, причины дисфункционирования социальных институтов, системы экономических и правовых отношений. Обеспечение внутренней конфронтации в условиях противостояния приводит к обострению криминогенной обстановки, оппозиционным движениям, созданию революционной ситуации. Автор на примере исторических событий в России начала и конца XX века актуализирует проблематику возникновения конфликтов на национальной и межконфессиональной почве в периоды революции и участия государства военных действиях. Рассмотрение, анализ изучаемого явления, осуществлено

с учетом его пространственных и системных характеристик в условиях применения вооруженных и невооруженных методов борьбы. Выделены обобщенные признаки социально-политического конфликта. Сформулированы две группы причин возникновения этнической и религиозной конфронтации. На примерах работ зарубежных и отечественных авторов рассмотрена роль религии в формировании идеологических установок поведения человека в политических процессах. Определено, что в политическом измерении конфликта религия выступает внешней формой легитимации антиобщественных и антигосударственных действий. Доктринальность и догматизм радикальных конфессиональных идеологий, сакральность самобытности культовых практик и несочетаемость ценностных доминант являются катализаторами разжигания конфронтации. В статье дается характеристика стадий возникновения противостояния в условиях управления общественными процессами. В заключении сформулированы обобщения о способах формирования экзистенциональных основ возбуждения социально-политического конфликта; об использовании этнических и религиозных различий в качестве причин конфликта, создания мотивационных психологических установок девиатного поведения; определено соотношение понятий социально-политический конфликт, межнациональная и межконфессиональная конфронтация; сделан вывод об обусловленной социальной дифференциацией и общественными противоречиями возможности искусственной объективизации причин противостояния части общества и власти.

Ключевые слова: политический процесс, государственный режим, гибридная война, социально-политический конфликт, религия, конфессия, межконфессиональные и национальные противоречия, радикальная идеология, манипуляция сознанием, экстремизм, терроризм.

Королёва Э.В.
Волынчук Я.А.

Влияние имиджа супруги политика на формирование образа политического лидера

В статье рассматривается феномен института первой леди как значимого элемента современной политической коммуникации и символической репрезентации власти. Особое внимание уделяется образу супруги главы государства как фактору, влияющему на формирование общественного восприятия политического лидера и государства в целом. Подчеркивается, что образ первой леди находится под постоянным вниманием

средств массовой информации, формируя разнообразные интерпретации - от восхищения до критики. В современных условиях роль первой леди выходит за рамки традиционного статуса супруги политика, приобретая самостоятельное значение в национальном и международном контексте. Институт первой леди выступает не только как компонент политического имиджа, но и как элемент национальной идентичности, способствующий гармонизации образа главы государства и повышению уровня доверия к власти.

Авторы подчеркивают, что психологический аспект представляет собой значимый компонент в процессе формирования образа первой леди. Он включает в себя комплекс скрытых, на первый взгляд, характеристик, которые выполняют множество функций, связанных с конструированием имиджа политического лидера. Психологическая составляющая образа первой леди обладает многозадачным характером и оказывает влияние на восприятие, как самой супруги политика, так и его общественного образа в целом.

Ключевые слова: образ первой леди, политическая коммуникация, общественное внимание, политика, глава государства, имидж, образ, влияние, медийное пространство, визуальный образ, статус первой леди, роль первой леди, индивидуальный стиль.

Курбанов Н.И.

Квасов М.Д.

Калатин Е.Б.

Бузанова А.Р.

Влияние противостояния КНДР и Республики Корея на внешнюю торговлю между Республикой Корея с Китайской Народной Республикой в XXI веке

В данной статье рассматриваются факторы, влияющие на колебания торгово-экономических показателей между Республикой Корея и Китайской Народной Республикой, в том числе военно-политические кризисы, связанные с КНДР в период с 2006 по 2025 гг. Используются методы системно-функционального, экономического и геополитического анализа, а также мониторинг СМИ. Кроме того, предложены три сценария развития событий развития экономических отношений между Южной Кореей и Китаем.

Ключевые слова: Южная Корея, КНДР, КНР, экономика, торговля, военно-политическая стабильность.

Бай Дуннэн
Сюй Сяобо
Лэй Шуан

Корректировка арктической стратегии Индии

в условиях новой арктической геополитической архитектуры

В условиях трансформации арктической геополитической архитектуры Индия, будучи страной с формирующейся экономикой, активно пересматривает свою арктическую стратегию, переходя от ограниченного научного участия к системному и многоуровневому вовлечению. На основе анализа эволюции, ключевых движущих сил, практических моделей и структурных дилемм арктической стратегии Индии данное исследование показывает, что публикация «Арктической политики Индии» в 2022 году ознаменовала переход её арктического участия на уровень национальной стратегии. Многогранная мотивация включает климатическую безопасность, энергетические потребности, конкуренцию за морские пути и стремление к статусу великой державы, при этом стратегическое соперничество с Китаем является важным драйвером. На практике Индия сформировала диверсифицированный подход, где сотрудничество с Россией служит центральной опорой одновременно с расширением многосторонних научных сетей и продвижением проектов взаимосвязи. Однако реализация этой стратегии сталкивается с серьёзными вызовами, включая позицию «ставки на обе стороны» в условиях противостояния России и Запада, внутренние ресурсные ограничения и внешнее давление в рамках экологической повестки. В конечном счёте Индия стала новой переменной, которую невозможно игнорировать в арктической повестке, но эффективность её стратегии будет зависеть от способности найти действенный баланс между великодержавной конкуренцией и ограниченным сотрудничеством, а также между стратегическими амбициями и реальными возможностями.

Ключевые слова: арктическая стратегия Индии, Северный морской путь, Российско-индийское сотрудничество, геополитика Арктики.

Нðур Мухамет Дит Наби

Государственная управляемость и институты, представляющие власть в государствах Западной Африки: культурное измерение

Государственная управляемость в странах Западной Африки сталкивается с различными проблемами, включая отсутствие общей культуры.

Существование государства определяется культурой, без которой, оно вряд ли смогло бы сохранить свою организацию. Культура, подкреплённая языком, объединяет нацию, определяет образование и формирует общее мировоззрение. В данной статье, интересно рассмотреть особенности культуры в странах Западной Африки, в частности в Сенегале.

Ключевые слова: управляемость, государство, культура, язык.

Сюжань Дэн
Вэй Чжао

Стратегия периферийной коммуникации сообщества с общим будущим всего человечества в фильме “Ланканг-Меконг: река, текущая на юг”

Документальный фильм «Ланканг-Меконг: река, текущая на юг», показанный по случаю шестой годовщины сотрудничества Ланканг-Меконг, успешно превратил региональные культурные практики в глобальный диалог ценностей.

Исходя из трех аспектов повествования, эмоций и ценности в этой статье рассматривается то, как фильм показывает разнообразие и симбиоз региональных культур с помощью реальных кадров, сопоставляет «большое я» с «маленьким я» и формирует межкультурные выражения общности. В статье анализируются отраженные в фильме детали жизни с популистской точки зрения, как фильм стимулирует сопереживание аудитории «обыденной мудрости» и разрушает культурные барьеры.

Кроме того, в работе показано, что фильм представляет практику сотрудничества и обоюдного выигрыша в бассейне, в основе которой лежит «гармония в разнообразии», усиливает актуальность глобальных проблем и способствует распространению концепции сообщества с общим будущим для всего человечества.

Ключевые слова: Ланканг-Меконг: река, текущая на юг, общее будущее всего человечества, коммуникация удаленных регионов, документальные исследования, межкультурные взаимодействия.

Abstracts

Ilarionova T.S.

Higher education as the foundation for effective public service in Germany

The issue of training civil servants remains a pressing issue in European countries. In Germany, significant changes are occurring in the teaching of core subjects related to the activities of government agencies, with specialized higher education institutions and departments within existing universities emerging to meet government institutions' needs for trained and competent personnel. Dual education for entry-level and mid-level civil service positions has become widespread. This article examines these and other new technologies that could be adopted by the Russian system of training civil servants.

Key words: Germany, civil servant training, dual education.

Vysotskiy I.V.

Development of the institution of public hearings in the local government system

The article analyzes the development of public hearings as an institution of direct and dialogical democracy. At the present stage of socio-political development, it is necessary to look for various ways, methods and platforms for building a constructive dialogue between the government and society, motivating residents to show civic initiative. In the context of digitalization, it is more important than ever to build vectors of interaction between government representatives and the population, to find compromises and mutually beneficial solutions. The importance and necessity of the presence of representatives of municipal authorities in the digital field as opinion leaders, who can potentially generate both interest in public hearings and increase the effectiveness of their conduct, is substantiated. The characteristic features and main problems of the institute of public hearings at the present stage are outlined, and the main ways to solve them are presented.

Key words: public hearings, local government, local residents, democracy, political participation, civic initiative, municipal policy, public authority functions.

Laptev I.A.

The role of social networks in political communication

Political communications are an integral part of public administration, representing the process of transmitting political information that allows

for the structuring of political activities and the formation of public opinion and political socialization of citizens, taking into account their needs and interests. Political communications are used to convey political messages that need to be communicated to the population. However, in an era of active digitalization and technological advancements, the traditional methods of transmitting political communications and the channels through which they are disseminated are becoming outdated, as they fail to reach the necessary segments of the population. In this regard, it is important to find new effective channels of political communication, one of which is social media and messaging apps. This article explores the features of social media as a channel of political communication, as well as the positive and negative aspects of using social media in political communication.

Key words: political communication, social networks, political meanings, messengers, and channels of political communication.

Aslanov A.R.

Internal socio-political conflict in a hybrid war: national and interfaith properties

The purpose of this article is to analyze and evaluate the phenomenon of socio-political conflict as a result of the use of unconventional hybrid warfare technologies, an artificially created threat to the current political system, the causes of the dysfunction of social institutions, the system of economic and legal relations. Ensuring internal confrontation in conditions of confrontation leads to an aggravation of the criminal situation, opposition movements, and the creation of a revolutionary situation. Using the example of historical events in Russia at the beginning and end of the twentieth century, the author actualizes the problems of conflicts on national and interfaith grounds during periods of revolution and state involvement in military operations. The consideration and analysis of the phenomenon under study is carried out taking into account its spatial and systemic characteristics in the context of the use of armed and unarmed methods of struggle. Generalized signs of socio-political conflict are highlighted. Two groups of causes of ethnic and religious confrontation have been formulated. Using the examples of works by foreign and domestic authors, the role of religion in the formation of ideological attitudes of human behavior in political processes is considered. It is determined that in the political science dimension of the conflict, religion acts as an external form of legitimization of antisocial and anti-state actions. The doctri-

nality and dogmatism of radical confessional ideologies, the sacredness of the identity of cult practices and the incongruity of value dominants are catalysts for inciting confrontation. The article describes the stages of the emergence of confrontation in the context of management of social processes. In conclusion, generalizations are formulated about the ways of forming existential foundations for the initiation of socio-political conflict; about the use of ethnic and religious differences as causes of conflict, the creation of motivational psychological attitudes of deviant behavior; the correlation of the concepts of socio-political conflict, interethnic and interfaith confrontation is determined.; the conclusion is made about the possibility of artificial objectification of the reasons for the confrontation between a part of society and the government due to social differentiation and social contradictions.

Key words: political process, state regime, hybrid war, socio-political conflict, religion, denomination, interfaith and national contradictions, radical ideology, manipulation of consciousness, extremism, terrorism.

Koroleva E.V.
Volynchuk Y.A.

Constructing the image of a “political person”

The article examines the phenomenon of the first lady institution as a significant element of modern political communication and symbolic representation of power. Special attention is paid to the image of the head of state's spouse as a factor influencing the formation of public perception of a political leader and the state as a whole. It is emphasized that the image of the first lady is constantly under the scrutiny of the media, leading to various interpretations ranging from admiration to criticism. In today's context, the role of the first lady goes beyond the traditional status of a politician's spouse, acquiring independent significance in the national and international arena. The institution of the first lady acts not only as a component of the political image, but also as an element of national identity, contributing to the harmonization of the image of the head of state and increasing the level of trust in the government. The authors emphasize that the psychological aspect is a significant component in the process of shaping the image of the first lady.

Key words: image of the first lady, political communication, public attention, politics, head of state, image, influence, media space, visual image, status of the first lady, role of the first lady, individual style.

Kurbanov N.I.
Kvasov M.D.
Kalatin E.B.
Buzanova A.R.

**The Impact of the confrontation between
the DPRK and the Republic of Korea on foreign trade between
the Republic of Korea and the People's Republic of China in the 21st
century**

This article examines the fluctuations in trade and economic indicators between the Republic of Korea and the People's Republic of China, including military and political crises associated with the DPRK from 2006 to 2025. The authors implemented the methods of systemic-functional, economic, and geopolitical analysis, as well as media monitoring. Moreover, we proposed three scenarios for the development of economic relations between South Korea and China.

Key words: South Korea, DPRK, PRC, economy, trade, military and political stability.

Bai Dongpeng
Xu Xiaobo
Lei Shuang

**India's arctic strategy adjustment under
the new geopolitical architecture of the arctic**

Against the backdrop of the transforming geopolitical architecture in the Arctic, India, as an emerging economy, is actively revising its Arctic strategy, shifting from limited scientific engagement to systematic and multi-level involvement. Based on an analysis of the evolution, key drivers, practical models, and structural dilemmas of India's Arctic strategy, this study demonstrates that the release of India's Arctic Policy in 2022 marked the elevation of its Arctic engagement to the level of national strategy. Its multifaceted motivations include climate security, energy needs, competition over shipping routes, and the pursuit of great power status, with strategic rivalry with China serving as a significant driver. In practice, India has adopted a diversified approach, where cooperation with Russia acts as a central pillar, alongside the expansion of multilateral scientific networks and the promotion of connectivity projects. However, the implementation of this strategy faces serious challenges, including its "hedging" stance amid the Russia-West confrontation, domestic resource constraints, and external pressure under the environmental agenda. Ultimately, India has become a new variable that cannot be ignored in the Arctic agenda,

but the effectiveness of its strategy will depend on its ability to strike a viable balance between great power competition and limited cooperation, as well as between strategic ambitions and practical capabilities.

Key words: India's Arctic strategy, Northern Sea Route, Russian-Indian co-operation, Arctic geopolitics.

Ndur Mukhamet Dit Nabi

**Governability of state and institutions representing power
in West African states: the cultural dimension**

Governability of State in West African countries faces various challenges, including the absence of a shared culture. The existence of the state is embodied by culture, without which it would be unlikely to maintain its organization. Culture, fostered by language, unifies a nation, determines education, and gives life to a common perspective. In this article, it is interesting to examine the contours of culture in West African countries, particularly Senegal.

Key words: governability, state, culture, language.

Xiaoran Deng

Wei Zhao

**The peripheral communication strategy
of the community with a shared future for mankind
in the “Lancang-Mekong: the river that flows south”**

The documentary “Lancang-Mekong: The River That Flows South” broadcasted on the occasion of the sixth anniversary of the Lancang-Mekong Co-operation has successfully elevated regional cultural practices into a global dialogue of values. From three dimensions of narrative, emotion, and value, this article analyzes how the film portrays the diversity and symbiosis of regional cultures through real shots, maps the “big self” with the “small self”, and forms cross-cultural expressions of commonality, analyzes how the film captures life details from a populist perspective, stimulates audience empathy for “ordinary wisdom”, dissolves cultural barriers, and analyzes how the film presents the practice of cooperation and win-win within the basin with “harmony in diversity” as the core, strengthens the relevance of global issues, and promotes the concrete dissemination of the concept of a community with a shared future for mankind.

Key words: Lancang-Mekong: a river flowing in the south, a common future for all mankind, communication between remote regions, documentary research, intercultural interactions.

Авторы

Асланов А.Р. - капитан полиции. Старший оперуполномоченный по ОВД (Отдел внутренних дел) УНК (управление по контролю за оборотом наркотиков). Управление МВД России по г. Севастополь, г. Севастополь.

Бай Дуннэн - магистрант. Департамент искусств и дизайна, Школа искусств и гуманитарных наук. Дальневосточный федеральный университет. Преподаватель, Институт вычислительных наук и техники, Хайнаньский университет, Хайкоу.

Бузанова А.Р. - студент-бакалавр факультета мировой экономики и мировой политики Программа двух дипломов НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии», г. Москва.

Волынчук Я.А. - кандидат политических наук, доцент. Владивостокский государственный университет, г. Владивосток. SPIN-код: 4500-8390

Высоцкий И.В. - кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления. Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский экономический институт», г. Москва. SPIN-код: 3806-1097

Вэй Чжао - Сианьский университет Шилю, Сиань, Шэнъси, Китай.

Иларионова Т.С. - доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГСУ (Институт государственной службы и управления) Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Калатин Е.Б. - студент-бакалавр факультета мировой экономики и мировой политики Программа двух дипломов НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии», г. Москва.

Квасов М.Д. - студент-бакалавр факультета мировой экономики и мировой политики Программа двух дипломов НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») и Университета Кёнхи «Экономика и политика в Азии», г. Москва.

Королёва Э.В. - кандидат социологических наук, доцент. Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова (Владивостокский филиал), г. Владивосток. SPIN-код: 9505-4452

Курбанов Н.И. - аспирант Института Международных Исследований

(ИМИ) МГИМО МИД России, стажёр-исследователь ИМИ МГИМО (Московский государственный институт международных отношений), г. Москва.

Лаптев И.А. - аспирант. Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Кафедра государственного управления и менеджмента, г. Волгоград.

Лэй Шуан - кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка, Хайнаньский университет, Хайкоу.

Ндур Мухамет Дим Наби - Зый курс аспирантура. Санкт-Петербургский государственный университет.

Сюй Сяобо - старший преподаватель, кафедра русского языка, Северо-восточный университет Китая.

Сюожань Дэн - Сианьский университет Шилю, Сиань, Шэньси, Китай.

Authors

Aslanov A.R., Police Captain. Senior police Officer for the Department of Internal Affairs. Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Sevastopol, Sevastopol.

Bai Dongpeng, Master's student. Department of Arts and Design, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University. Lecturer. School of Computer Science and Technology, Hainan University.

Buzanova A.R., Bachelor's student of the Faculty of World Economy and International Politics, Double Degree Program of the National Research University Higher School of Economics and Kyung Hee University "Economics and Politics in Asia", Moscow.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kalatin E.B., Bachelor's student, Faculty of World Economy and International Affairs, Double Degree Program, HSE (National Research University Higher School of Economics) and Kyung Hee University "Economics and Politics in Asia", Moscow.

Koroleva E.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor. Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilov (Vladivostok branch), Vladivostok. SPIN-code: 9505-4452

Kvasov M.D., Bachelor's student, Faculty of World Economy and International Affairs, Double Degree Program, HSE (National Research University Higher School of Economics) and Kyung Hee University "Economics and Politics in Asia", Moscow.

Kurbanov N.I., Postgraduate student at the Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Research Intern at Moscow State Institute of International Relations, Moscow.

Laptev I.A., Postgraduate student. Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Department of Public Administration and Management.

Lei Shuang, PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Russian Language, School of Foreign Languages, Hainan University.

Ndur Mukhamet Dit Nabi, 3rd-year PhD student. Saint Petersburg State University.

Volynchuk Y.A., PhD in Political Science, Associate Professor. Vladivostok State University, Vladivostok. SPIN-code: 4500-8390

Vysotskiy I.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration. Non-governmental educational private institution of higher education «Moscow Economic Institute», Moscow. SPIN-code: 3806-1097

Xiaoran Deng, Xi'an Shiyou University, Xi'an, Shaanxi, China.

Xu Xiaobo, Senior Lecturer, Department of Russian Language, Northeast University of China.

Wei Zhao, Xi'an Shiyou University, Xi'an, Shaanxi, China.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ
ПО ТЕМЕ:
**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и аprobации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
межнациональных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 772-19-99
Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объёмом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах;
- Государственная Дума;
- Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: +7 (495) 772-19-99

Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Н.Э. Архипова

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 6,625